

12+

Вашингтон
Урбина

льзатбра

Вашингтон Ирвинг

Альгамбра

«Издательские решения»

Ирвинг В.

Альгамбра / В. Ирвинг — «Издательские решения»,

Новый адаптированный перевод Алексея Козлова книги Вашингтона Ирвинга «Альгамбра», 1832 год. Блестящий, прозрачный язык, непобедимое добродушие и несравненный юмор снискали автору и его книге мировую славу. Очаровательная книга, полная романтики и волшебного взгляда на сказки и легенды древнего, таинственного Востока.

© Ирвинг В.

© Издательские решения

Содержание

ПУТЕШЕСТВИЕ	6
ДВОРЕЦ АЛЬГАМБРА	21
ЗАМЕТКА ОБ АРХИТЕКТУРЕ МОРИСКО	27
ВАЖНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ АВТОР НАСЛЕДУЕТ ТРОН БОАБДИЛА	28
ОБИТАТЕЛИ АЛЬГАМБРЫ	32
ЗАЛ ПОСЛОВ	35
БИБЛИОТЕКА ИЕЗУИТОВ	38
АЛЬХАМАР, ОСНОВАТЕЛЬ АЛЬГАМБРЫ	39
ЮСЕФ АБУЛЬ ХАГИГ ЗАВЕРШИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬСТВА АЛЬГАМБРЫ	43
ТАИНСТВЕННЫЕ ПОКОИ	45
ПАНОРАМА С БАШНИ КОМАРЕС	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Альгамбра

Вашингтон Ирвинг

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Вашингтон Ирвинг, 2026

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2026

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0070-2995-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПУТЕШЕСТВИЕ

Весной 1829 года автор этого труда, которого привело в Испанию любопытство, в качестве странника совершил экспедицию из Севильи в Гранаду в компании своего друга, сотрудника российского посольства в Мадриде. Случай свёл нас из разных уголков Земного Шара, и сходство вкусов соединило нас в решении вместе побродить по романтическим горам Андалусии. Если эти страницы попадутся ему на глаза, куда бы ни забросили его обязанности, связанные с его положением, будь то посещение пышных дворцов или размышления о подлинном величии природы, пусть они вызовут в нем воспоминания о нашем совместном приключенческом товариществе, а вместе с ними и о том, в ком ни время, ни расстояние не изгладят воспоминания, что он пережил благодаря его доброте и достоинству.

И здесь, прежде чем продолжить, позвольте мне сделать несколько замечаний об испанских пейзажах и путешествиях по Испании. Многие склонны представлять Испанию в своём воображении мягким южным регионом, украшенным пышными прелестями чувственной Италии. Напротив, хотя в некоторых приморских провинциях и есть исключения, всё же в большинстве своём это суровая, меланхоличная страна с грозными горами и длинными бескрайними равнинами, лишенными деревьев, неописуемо тихими и уединенными, напоминающими о диком и уединенном характере Африки. Что усугубляет эту тишину и одиночество, так это отсутствие певчих птиц, что является естественным следствием отсутствия джунглей, лесов, роц и живых изгородей в имениях.

Здесь можно видеть, как стервятник или орёл медленно кружат над горными утёсами и парят над равнинами, а стаи пугливых дроф бродят по вересковым пустошам; но мириады мелких птиц, которые украшают весь облик других стран, встречаются лишь в немногих провинциях Испании, и в основном в тех, где они обитают среди фруктовых садов, которые окружают жилища человека. Во внутренних провинциях путешественник иногда, насколько хватает глаз, видит обширные пространства, засеянные пшеницей, иной раз зеленые, иногда голые и выжженные Солнцем, но он тщетно оглядывается в поисках руки, которая возделала эту землю. Наконец он замечает какую-нибудь деревню на крутом холме или скалистом утёсе с полуразрушенными зубчатыми стенами и покосившейся сторожевой башней: в старые времена это была крепость против гражданской войны или нашествия мавров; ибо обычай крестьян собираться вместе для взаимной защиты всё ещё сохраняется в большинстве районов Испании из-за мародерства бродячих флибустьеров. Но хотя на большей части Испании не хватает роц и перелесков, а также более мягких прелестей декоративного земледелия, её пейзажи благородны в своей строгости и соответствуют характеру её народа; и я думаю, что теперь я лучше понимаю гордых, выносливых, бережливых и воздержанных испанцев, каждую минуту бросающих мужественный вызов трудностям в презрении к изнеженности и слабостям. Я стал понимать это с певого шага, в певрого мгновения, как увидел страну, в которой они живут. В простых и суровых чертах испанского пейзажа тоже есть что-то такое, что вселяет в душу ощущение возвышенности. Бескрайние равнины Кастилии и Ла-Манчи, простирающиеся насколько хватает глаз, привлекают внимание своей наготой и необъятностью и в какой-то степени напоминают торжественное величие океана. Бродя по этим бескрайним пустошам, глаз то тут, то там замечает разбредшиеся стада скота, за которыми следят одинокие пастухи, как правило неподвижные, как статуи, всегда с длинной тонкой пикой, заостренной наверху, подобно копыю; или видит длинную вереницу мулов, медленно движущихся по пустыне, как вереница верблюдов; или одинокого всадника, вооруженного мушкетом и стилетом, крадущегося по равнине. Таким образом, в этой стране, в обычаях, в самой внешности людей есть что-то от арабского характера. Общая незащищенность этой страны проявляется в повсеместном использовании оружия. У пастуха в поле, у пастушки на равнине есть мушкет и нож. Богатый

сельский житель редко отваживается отправиться на рынок без своего трабуко и, возможно, без пешего слуги с мушкетом на плече; и самое незначительное путешествие предпринимается с подготовкой военного предприятия. Опасности, подстерегающие на дороге, порождают также способ передвижения, напоминающий, хотя и в уменьшенном масштабе, восточные караваны. р *Argieros*, или перевозчики, собираются в караваны и отправляются в путь большими и хорошо вооруженными поездами в назначенные дни; в то время как дополнительные путешественники увеличивают их число и укрепляют их силы. Таким примитивным способом осуществляется торговля в стране. Погонщик мулов — это основное средство передвижения и законный пассажир, пересекающий полуостров от Пиренеев и Астурии до Альпуксаррас, Серрания-де-Ронда и даже до ворот Гибралтара. Он живёт скромно и неприхотливо: в его альфорхах из грубой ткани хранится скудный запас провизии; в кожаной фляге, подвешенной к луке его седла, запас вина или воды, чтобы ему хватило на дорогу через бесплодные горы и жаждающие равнины; попона, расстеленная на земле, служит ему постелью ночью, а кулак под головой — его подушка. Его невысокая, но мускулистая фигура с мускулистыми конечностями свидетельствует о силе; цвет лица у него смуглый и загорелый; взгляд решительный, но спокойный, за исключением тех случаев, когда он вспыскивает от внезапного гнева; его манеры откровенны, мужественны и обходительны, и он никогда не проходит мимо вас без торжественного приветствия: «Боже мой, храни меня!» «Да здравствует бог, кабальеро!» «Да хранит вас Бог!» — «Да пребудет с вами Бог, кавалер!» Поскольку часто всё состояние этих людей состоит из груза, который несут на своих спинах их мулы, оружие у них под рукой, приторочено к седлам и каждый миг готово к отчаянной обороне; но их сплочённость обеспечивает им безопасность от мелких банд мародёров и одиноких бандолеро, вооружённых до зубов. Оскалив зубы, верхом на своем андалузском скакуне, он кружит над ними, как пират над торговым конвоем, щёлкая зубами и не осмеливаясь напасть. У испанского погонщика мулов есть неисчерпаемый запас песен и баллад, которыми он может скрасить свои бесконечные странствия. Мелодии их грубы и просты, они состоят всего из нескольких интонаций. Путник здесь напевает их громким голосом и долгими, протяжными интонациями, сидя боком на своём муле, который, кажется, слушает с бесконечной серьёзностью и шагает в такт мелодии. Распеваемые таким образом куплеты часто представляют собой старинные традиционные романсы о маврах, или какую-нибудь легенду о святом, или какую-нибудь любовную песенку; или, что еще чаще, какую-нибудь балладу об отважном контрабандисте или отважном бандолеро, потому что контрабандист и грабитель — поэтические герои простого народа Испании. Часто «песня погонщика мулов» сочиняется в тот же момент и связана с какой-нибудь местной историей или каким-нибудь происшествием в походе. Этот талант к пению и импровизации повсеместно встречается в Испании и, как говорят, был унаследован от мавров. Есть что-то безумно приятное в том, чтобы слушать эти частушки среди грубых и одиноких картин, которые они иллюстрируют, сопровождаемые, как это обычно бывает, редким звоном колокольчика на шее мула. Также очень живописно встретить караван погонщиков мулов на каком-нибудь горном перевале. Сначала вы слышите звон колокольчиков на передних упряжках мулов, нарушающий своей простой мелодией тишину воздушного нагорья; или, возможно, голос погонщика мулов, который отчитывает какое-нибудь запоздалое или заблудившееся животное, или поёт во всю мощь своих лёгких какую-нибудь традиционную балладу. Наконец вы видите, как мулы медленно петляют по изрезанному скалами ущелью, иногда спускаясь с отвесных скал, чтобы во всей красе предстать на фоне яркого неба, иногда преодолевая глубокие засушливые пропасти под вами. Когда они приближаются, вы замечаете их яркие украшения из шерсти, кисточки и чепраки, а когда они проезжают мимо, всегда готовое трабуко, подвешенное за вьюками и седлами, напоминает о небезопасности дороги.

Древнее королевство Гранада, в которое мы собирались проникнуть, является одним из самых гористых регионов Испании. Обширные сьерры, или горные цепи, лишённые кустар-

ников или деревьев и испещрённые разноцветными мраморами и гранитами, вздымают свои обожженные Солнцем вершины к тёмно-синему небу; но в их суровых недрах раскинулись зелёные, плодородные долины, где пустыня и сад борются за господство, а сама скала — это настоящий рай, как бы поневоле вынужденный приносить плоды инжира, апельсина и цитрона и цвести вместе с миртом и розой. На диких перевалах этих гор вид обнесённых стенами городов и деревень, построенных наподобие орлиных гнёзд среди скал и окружённых мавританскими зубчатыми стенами, или разрушенных сторожевых башен, возвышающихся на высоких вершинах, возвращает нас к рыцарским временам христианских и мусульманских войн и к романтической борьбе за завоевание Гранады. Пересекая эти высокие сьерры, путешественник часто вынужден спешиваться и вести свою лошадь вверх и вниз по крутым и неровным подъёмам и спускам, напоминающим сломанные ступени лестницы.

Иногда дорога петляет вдоль головокружительных обрывов, без парапета, который защищал бы его от пропастей внизу, а затем ныряет вниз по крутым, тёмным и опасным склонам. Иногда она пробирается через труднопроходимые ущелья, изрытые зимними потоками, — тёмный путь контрабандиста; время от времени зловещий крест, памятник грабежу и убийству, воздвигнутый на каменной насыпи на каком-нибудь уединённом участке дороги, напоминает путнику, что он находится среди логова бандитов, возможно, в этот самый момент находящегося под присмотром какого-нибудь затаившегося бандолеро. Иногда, петляя по узким долинам, он вздрагивает от хриплого мычания и видит над собой на каком-нибудь зелёном склоне горы стадо свирепых андалузских быков, предназначенных для боя на арене. Я испытал, если можно так выразиться, приятный ужас, созерцая вблизи этих ужасных животных, наделённых невероятной силой и пасущихся на своих родных пастбищах в дикой местности, почти незнакомых с человеком: они не знают и не признают никого, кроме одинокого пастуха, который ухаживает за ними, и даже он порой не решается приблизиться к ним. Низкое мычание этих быков и их угрожающий вид, когда они смотрят вниз со своей скалистой высоты, придают дополнительную дикость этому первобытному пейзажу.

Неосознанно я погрузился в более пространные, чем намеревался, рассуждения об общих особенностях путешествий по Испании, но во всех воспоминаниях о полуострове, волнующих воображение, есть что-то романтическое. Поскольку наш предполагаемый маршрут в Гранаду пролегал через горные районы, где дороги немногим лучше тропинок для мулов и, как говорят, часто подвергаются нападениям грабителей, мы приняли надлежащие меры предосторожности при путешествии. Отправив самую ценную часть нашего багажа за день или два до прибытия, мы оставили себе только одежду и всё необходимое для путешествия, а также деньги на дорожные расходы; с небольшим избытком звонкой монеты в кошельке грабителя, чтобы удовлетворить джентльменов на дороге, если на нас нападут. Не повезло тому слишком осторожному путешественнику, который, пренебрегая этой предосторожностью, попадает в их лапы с пустыми руками; они склонны устроить ему хорошую взбучку за то, что он обманул их ожидания.

Такие кабальеро, как они, не могут позволить себе рыскать по дорогам и рисковать виселицей ни за что ни про что. Для нас самих была выделена пара крепких коней, а третий — для нашего скудного багажа и для перевозки крепкого бискайского парня лет двадцати, который должен был быть нашим проводником, грумом, камердинером и постоянной охраной. Для этой последней должности ему был предоставлен грозный трабуко, или карабин, с помощью которого он обещал защитить нас от ратеро, или разбойников-одиночек; но что касается таких мощных банд, как «Сыны Эсихи», то, по его признанию, они были ему не по силам. В начале путешествия он много хвастался своим оружием; хотя, в ущерб его полководческому мастерству, ему было позволено висеть незаряженным за седлом. Согласно нашим условиям, человек, у которого мы наняли лошадей, должен был оплачивать их корм и содержание в конюшне во время путешествия, а также содержание нашего бискайского сквайра, которому, конечно

же, были предоставлены средства для этой цели; однако мы позаботились о том, чтобы предоставить последнему частный намёк на то, что, хотя мы и заключили выгодную сделку с его хозяином, всё это было и в его пользу, так как, если он окажется хорошим человеком и преданным делу, и он, и лошади должны жить за наш счет, а деньги, выделенные на их содержание, останутся в его кармане. Эта неожиданная щедрость, сопровождавшаяся редким подарком в виде сигары, полностью покорила его сердце. По правде говоря, он был верным, весёлым, добросердечным созданием, таким же любителем поговорок, как и это чудо оруженосцев, сам знаменитый Санчо, чьё имя, кстати, мы ему присвоили, и, как истинный испанец, хотя мы и относились к нему с дружеской фамильярностью, в своем предельном веселье он ни на минуту не переступал границ почтительного этикета. Таковы были наши незначительные приготовления к путешествию, но, прежде всего, мы запаслись достаточным запасом хорошего настроения и искренним желанием быть довольными чем бы то ни было; мы решили путешествовать в истинно контрабандистском стиле; принимать вещи такими, какие они есть, грубыми или гладкими, и смешиваться со всеми классами и условиями, в своем роде став полноправными членами компании бродяг.

Это единственный правильный способ путешествовать по Испании. С таким настроением и целеустремленностью, что это страна для путешественника, где самая убогая гостиница полна приключений, как заколдованный замок, а каждый прием пищи сам по себе является рискованным геройством! Пусть другие сетуют на отсутствие шоссейных дорог, роскошных отелей и всех изысканных удобств, которые в окультуренной и цивилизованной стране превращаются в рутину и обыденность, но дайте мне возможность побродить по горам; побродяжничать, испытать рискованное времяпрепровождение; ощутить полудикие, но в то же время искренние и гостеприимные манеры, которые придают такой неповторимый, настоящий игровой колорит старой доброй романтической Испании!

Таким образом, экипированные и сопровождаемые, мы выехали лёгким галопом из «Прекрасного города Севильи» в половине седьмого утра ясного майского дня в компании наших знакомых дамы и джентльмена, которые проехали с нами несколько миль, прощаясь по-испански. Наш маршрут лежал через старую Алькала-де-Гвадайра (Алькала на реке Айра), благотельницу Севильи, которая снабжает её хлебом и водой. Здесь живут пекари, которые обеспечивают Севилью тем вкуснейшим хлебом, которым она славится; здесь изготавливают те самые роски, которые хорошо известны под заслуженным названием пан-де-Диос (хлеб Божий).; которыми, кстати, мы приказали нашему слуге, Санчо, вдоволь запастись в дорогу. Недаром этот благотельный маленький город называют «Севильской печью»; недаром его называют Алькала-де-лос-Панадерос («Алькала пекарей»), потому что большая часть его жителей занимается этим ремеслом, а по шоссе, ведущему отсюда в Севилью, постоянно движутся вереницы мулов и ослов, нагруженных хлебом, они везут огромные корзины с батонами и росками. Я уже говорил, что Алькала снабжает Севилью водой. Здесь находятся огромные резервуары римской и мавританской постройки, откуда вода поступает в Севилью по великолепным акведукам. Источники Алкалы ценятся почти так же высоко, как и её печи, а легкость, сладость и чистота её воды в какой-то мере объясняют изысканный вкус её хлеба.

Здесь мы ненадолго остановились у развалин старого мавританского замка, излюбленного места сеvilских пикников, где мы провели много приятных часов. Огромные стены, пронизанные бойницами, окружают огромную квадратную башню, сторожевую башню с остатками масмор, или подземных зернохранилищ. Гвадайра огибает холм у подножия этих руин, журча среди тростника, камыша и прудовых лилий, поросших рододендронами, эглантинной, жёлтым миртом и множеством полевых цветов и ароматических кустарников; а вдоль его берегов растут апельсиновые, лимонные и гранатовые рощи, среди которых мы слышали ранние трели разбойника соловья.

Через речушку был перекинут живописный мост, на одном конце которого возвышалась старинная мавританская мельница, примыкавшая к замку, защищённая башней из жёлтого камня; на стене сушилась рыбацкая сеть, а рядом на реке стояла лодка рыбака; группа крестьянок в ярких-цветные платья, пересекавшие арочный мост, отражались в спокойном потоке. В целом это была восхитительная сцена для художника-пейзажиста. Старинные мавританские мельницы, которые так часто встречаются на уединенных речушках, являются характерными объектами испанского пейзажа и напоминают об опасных временах древности. Они построены из камня и часто имеют форму башен с бойницами и зубчатыми стенами, способных обеспечить оборону в те воинственные дни, когда страна по обе стороны границы подвергалась внезапным набегам и поспешным опустошениям, а людям приходилось работать с оружием в руках и то и дело искать временное убежище. Нашей следующей остановкой был Гандул, где находились развалины другого мавританского замка с его разрушенной башней, где гнездились аисты, и откуда открывался вид на обширную кампанию, или плодородную равнину, и горы Ронда вдалеке. Эти замки были твердынями, защищавшими равнины от таласов или набегов, которым они подвергались, когда кукурузные поля были опустошены, стада были согнаны с обширных пастбищ и вместе с пленными крестьянами и длинными кавальгадами переправлялись через границу.

В Гандуле мы нашли сносную усадьбу; добрые люди не могли сказать нам, который час, часы били только один раз в день, через два часа после полудня; об остальном времени мы могли только догадываться. Мы решили, что сейчас самое время перекусить, и, сойдя на берег, заказали угощение. Пока оно готовилось, мы посетили дворец, который когда-то был резиденцией маркиза Гандула.

Всё пришло в упадок; здесь были только две или три пригодные для жилья комнаты, очень бедно обставленные. И всё же здесь были остатки великолепия: терраса, где, возможно, когда-то прогуливались прекрасные дамы и благородные кавалеры; пруд с рыбками и заброшенный сад с виноградными лозами и финиковыми пальмами. Здесь к нам присоединился толстый священник, который собрал букет роз и очень галантно преподнес его сопровождавшей нас даме. Под дворцом находилась мельница, перед которой росли апельсиновые деревья и алоэ, а также красивый ручей с чистой водой. Мы присели в тени, и все мельники, бросив свою работу, сели и закурили вместе с нами, потому что андалузцы всегда готовы посплетничать. Они ждали очередного визита парикмахера, который приходил раз в неделю, чтобы привести в порядок их подбородки. Он прибыл вскоре после этого: семнадцатилетний юноша верхом на осле, которому не терпелось продемонстрировать свои новые альфорхи, или седельные сумки, только что купленные на ярмарке; цена — один доллар, уплачивается в день Святого Валентина. День Святого Иоанна (в июне), и к этому времени он надеялся подстричь столько бород, чтобы у него появились деньги. К тому времени, когда лаконичные часы на замке пробили два, мы закончили ужинать. Итак, попрощавшись с нашими севильскими друзьями и оставив мельников под присмотром парикмахера, мы отправились на прогулку по Кампинье. Это была одна из тех обширных равнин, которые часто встречаются в Испании, где на многие мили вокруг нет ни дома, ни деревца.

Не повезло путешественнику, который должен был пересечь её, оказавшись, как и мы, под проливными дождями. Здесь нет ни спасения, ни укрытия. Нашей единственной защитой были испанские плащи, которые почти полностью закрывали человека и лошадь, но с каждой милей становились все тяжелее. К тому времени, как мы переживали один ливень, медленно, но неотвратимо приближался другой; к счастью, в промежутке между ними вспыхивало яркое, тёплое андалузское Солнце, от которого над нашими плащами поднимались клубы пара, частично высушивая их перед следующим обливанием. Вскоре после захода Солнца мы прибыли в Арахал, маленький городок среди холмов.

На самом деле мой хозяин собрал вместе певцов-любителей и музыкантов, а также деревенских красавиц со всей округи, и, когда они отправились в путь, внутренний двор гостиницы представлял собой сцену истинно испанского праздника. Мы заняли свои места вместе с хозяином, хозяйкой и командиром патруля под аркой, ведущей во двор; гитара переходила из рук в руки, но орфеем этого места был весёлый сапожник. Это был приятный на вид парень с огромными чёрными бакенбардами, рукава его были закатаны до локтей. Он виртуозно играл на гитаре и спел небольшую любовную песенку, выразительно поглядывая на женщин, у которых, очевидно, он пользовался успехом. После этого он станцевал фанданго с полногрудой андалузской девушкой, к великому удовольствию зрителей. Но ни одна из присутствующих женщин не могла сравниться с хорошенькой дочерью хозяина гостиницы Пепитой, которая ускользнула, чтобы привести себя в порядок по этому случаю и украсить голову розами; и вскоре отличилась в болеро с красивым молодым драгуном. Мы приказали хозяину дома, чтобы вино и прохладительные напитки свободно распространялись среди гостей, но, несмотря на пёстрое сборище солдат, погонщиков мулов и сельских жителей, никто не выходил за рамки трезвого времяпрепровождения.

Эта сцена была этюдом для художника: живописная группа танцоров, солдаты в полувойенных костюмах, крестьяне, закутанные в коричневые плащи. Я также не могу не упомянуть старого, худощавого Альгвасила в коротком чёрном плаще, который не обращал внимания ни на что происходящее, а сидел в углу и усердно писал при тусклом свете огромной медной лампы, которая, возможно, стояла ещё во времена Дон Кихота. Следующее утро выдалось ясным и благоуханным, каким и должно быть майское утро, по словам поэтов. Покинув Арахал в семь часов, когда весь посад собрался у дверей, чтобы поприветствовать нас, мы продолжили свой путь по плодородной стране, покрытой пшеничными полями и красивой зеленью, но летом, когда сбор урожая заканчивается и поля становятся сухими и коричневыми, должно быть, становится однообразно и пустынно, потому что, как и во время нашей вчерашней поездки, здесь не было видно ни домов, ни людей. Все последние собираются в деревнях и крепостях среди холмов, как будто эти плодородные равнины всё ещё подвержены разрушительному воздействию вересковых пустошей. В полдень мы подъехали к группе деревьев, росших рядом с ручьём на густом лугу. Здесь мы остановились, чтобы перекусить. Это было действительно роскошное место, среди полевых цветов и ароматных трав, вокруг пели птицы. Зная о скудости кладовых испанских гостиниц и о том, что нам, возможно, придётся пересекать безлюдные районы, мы позаботились о том, чтобы альфорхас нашего сквайра был хорошо набит холодными припасами, а его бота, или кожаная бутылка, вмещающая галлон, была до самого горлышка наполнена отборным вином Вальдепеньяс. Поскольку наше благополучие зависело от них больше, чем даже от его «трабуко», мы убеждали его быть более внимательным к тому, чтобы они были хорошо заправлены; и я должен отдать ему справедливость, сказав, что его тезка, Санчо Панса, обожавший готовить блюда на скорую руку, никогда не был таким рачительным поставщиком. Хотя на протяжении всего путешествия на альфорхас и боту часто и яростно нападали, они обладали удивительной способностью насыщаться, и наш бдительный сквайр забирал всё, что оставалось от наших трапез на постоянных дворах, чтобы обеспечить эти придорожные угощения, которые доставляли ему удовольствие. На этот раз он разложил перед нами на лужайке самые разнообразные блюда, украсив их превосходной ветчиной, привезённой из Севильи; затем, усевшись чуть поодаль, он подкрепился тем, что осталось от альфорхас. Один-два визита в боту сделали его таким же весёлым и стрекочущим, как кузнечик в росных травах. Сравнив содержимое его «альфорхас» с тем, как Санчо снимал сливки с котелков на свадьбе Каммачо, я обнаружил, что он хорошо разбирался в истории Дон Кихота, но, как и многие простые испанцы, твердо верил, что это правдивая история.

— Всё это случилось давным-давно, сеньор... — сказал он со слегка вопросительным видом.

— Очень давно! — ответил я, — Думаю, больше тысячи лет назад! — все еще с сомнением глядя на него.

— Думаю, не меньше!

Сквайр остался доволен. Ничто так не порадовало простодушного простолюдина, как то, что я сравнил его с Санчо, прославленным своей преданностью мяснику; и на протяжении всего путешествия он не называл себя никаким другим именем.

Покончив с трапезой, мы расстелили плащи на лужайке под деревом и устроили роскошную сиесту на испанский манер. Однако из-за того, что погода испортилась, нам пришлось отправляться в путь, и с юго-востока подул резкий ветер. К пяти часам мы прибыли в Осуну, городок с населением в пятнадцать тысяч человек, расположенный на склоне холма, с церковью и разрушенным замком. Посад находился за пределами городских стен и имел унылый вид. Вечер был холодный, и жители столпились вокруг брасеро в уголке у камина; а хозяйкой была сухонькая старушка, похожая на мумию. Когда мы вошли, все косо посмотрели на нас, как испанцы обычно смотрят на незнакомцев; весёлое, уважительное приветствие с нашей стороны, когда мы заигрывали с ними и прикасались к своим сомбреро, успокоило гордость испанцев; и когда мы заняли свои места среди них, закурили сигары и передали коробку изпод сигар по кругу, наша победа была полной. Я никогда не встречал испанца, независимо от его ранга или положения, который позволил бы превзойти себя в вежливости, а для простого испанца сигара (пуро) — это нечто непреодолимое. Однако следует быть осторожным и никогда не преподносить ему подарки с видом превосходства и снисходительности; в нём слишком много от кабальеро, чтобы получать подарки ценой своего достоинства. Покинув Осуну ранним утром следующего дня, мы въехали в сьерру, или горный хребет. Дорога вилась среди живописных пейзажей, но безлюдных; и кресты, видневшиеся то тут, то там у обочины, — следы убийства — указывали на то, что мы приближаемся к «разбойничьим гнёздам». Эта дикая, запутанная страна с её безмолвными равнинами и долинами, пересеченными горами, всегда славилась бандитами. Именно здесь в девятом веке безжалостно властвовал Омар Ибн Хасан, предводитель мусульманских разбойников, оспаривавший власть даже у халифов Кордовы. Это тоже было частью тех мест, которые во времена правления Фердинанда и Изабеллы так часто разорял Али Атар, старый мавританский алькаид Локсы, тесть Боабдила, разорял окрестности так, что местность называли садом Али Атара, и здесь был «Хосе Мария», знаменитый испанский разбойник, у которого были свои излюбленные места для тайников.

В течение дня мы проезжали через Фуэнте-ла-Пьедру, рядом с небольшим солёным озером с одноименным названием, красивой водной гладью, в которой, как в зеркале, отражались далёкие горы. Теперь мы увидели Антикверу, древний город с воинственной репутацией, раскинувшийся на лоне великой сьерры, которая проходит через Андалусию. Перед ним раскинулась величественная Вега, демонстрируя картину умеренного плодородия в обрамлении скалистых гор. Переправившись через спокойную реку, мы приблизились к городу между живыми изгородями и садами, в которых соловьи заливались вечерней песней. С наступлением темноты мы подъехали к воротам.

Во всём в этом почтенном городе чувствуется явный испанский колорит. Он слишком удалён от привычных маршрутов зарубежных поездов, чтобы можно было забыть о его старых обычаях. Здесь я заметил, что старики всё ещё носят монтеро, или старинные охотничьи шапки, которые когда-то были распространены по всей Испании; в то время как молодые люди носят маленькие шляпы с круглой тульёй и загнутыми полями, как у чашки, перевернутой на блюдце; а поля их всегда украшены маленькими чёрными пучками, похожими на кокарды. Все женщины тоже были в мантильях и баскино. Парижская мода ещё не дошла до Античности.

Пройдя по просторной улице, мы остановились в посаде Сан-Фернандо. Поскольку Антиквера, хотя и крупный город, находится, как я заметил, несколько в стороне от туристических маршрутов, я ожидал, что в гостинице будут плохие условия проживания и скудная еда.

Поэтому я был приятно разочарован обильно накрытым столом для ужина и, что было ещё более приятно, хорошими чистыми комнатами и удобными кроватями. Наш слуга Санчо чувствовал себя так же хорошо, как и его тёзка, когда заправлял кухней герцога, и, когда я уходил спать, сказал мне, что это были славные времена для семьи альфорха. Ранним утром (4 мая) я прогулялся к руинам старого мавританского замка, который сам по себе был возведен на развалинах римской крепости. Здесь, устроившись на развалинах разрушающейся башни, я наслаждался величественным и разнообразным пейзажем, который был прекрасен сам по себе и исполнен легендарных и романтических ассоциаций, ибо теперь я находился в самом сердце страны, известной рыцарскими поединками между маврами и христианами. Подо мной, в окружении холмов, лежал старый город воинов, столь часто упоминаемый в хрониках и балладах. Из этих ворот и вниз по холму промаршировал отряд испанских кавалеров, самых знатных и храбрых, совершивших тот набег во время войны и завоевания Гранады, который закончился плачевной резней в горах Малаги и погрузил всю Андалусию в траур.

За ним раскинулась Вега, покрытая садами и огородами, засеянными зерном полями и покрытыми зелёной эмалью лугами, уступающими только знаменитой Веге Гранады. Справа, подобно скалистому мысу, вдавалась в равнину Скала Влюбленных, с которой дочь мавританского алькайда и её возлюбленный в отчаянии бросились в погоню. Утренний колокол, доносившийся из церкви и монастыря внизу, приятно звенел в утреннем воздухе, когда я спускался. Рыночная площадь начинала заполняться народом, который в изобилии продавал продукцию веги, поскольку это рынок сельскохозяйственного региона. На рыночной площади в изобилии продавались свежесорванные розы, ибо ни одна дама Андалусии не считает свой праздничный наряд завершённым без розы, сияющей, как драгоценный камень, среди её чёрных как смоль локонов.

Вернувшись в гостиницу, я застал нашего слугу Санчо за оживлённой беседой с хозяином и двумя-тремя его прихлебателями. Он как раз рассказывал какую-то удивительную историю о Севилье, которую хозяин, похоже, счёл уместным дополнить не менее замечательной историей об Античности. По его словам, на одной из городских площадей когда-то был фонтан, который назывался Иль фуэнте дель Торо (фонтан быка), потому что вода била изо рта головы быка, вырезанной из камня. Под головой было написано, — На фронте дель Торо Приветствую тебя, тесоро. (Перед быком спрятано сокровище.) Многие копали перед фонтаном, но потеряли время и силы и денег не нашли. Наконец один знающий человек истолковал этот девиз по-другому. Именно во лбу (передке) быка должно быть спрятано сокровище, сказал он себе, и я тот человек, который должен его найти.

И вот он пришёл поздно ночью с молотком в руках и разнес голову на куски. И как вы думаете, что он нашёл?

— Много золота и бриллиантов! — радостно воскликнул Санчо.

— Он ничего не нашёл, — сухо ответил хозяин, — и испортил фонтан. Тут прихлебатели хозяина подняли всех на смех, посчитав, что Санчо полностью увлечен тем, что, как я полагаю, было одной из постоянных шуток моего хозяина. Покинув Антикверу в восемь часов, мы совершили восхитительную прогулку вдоль маленькой речки, мимо садов и огородищ, благоухающих весенними ароматами и поющих всеми соловьиными голосами. Наша дорога проходила вокруг Скалы Влюбленных (el reñon de los enamorados), которая возвышалась в пропасти над нами. В течение утра мы проезжали через Арчидону, расположенную на склоне высокого холма, над которым возвышается трёхконечная гора и руины мавританской крепости. Подниматься по крутой каменистой улице, ведущей в город, можно было только с большим трудом, хотя она и носила ободряющее название Калле Реал дель Льяно (королевская улица равнины), но ещё труднее было спуститься из этого горного города с другой стороны.

В полдень мы остановились в виду Арчидоны, на уютной маленькой полянке среди холмов, поросших оливковыми деревьями. Наши плащи были расстелены на траве под вязом на

берегу журчащего ручья; наши лошади были привязаны там, где они могли пощипать траву, и Санчо было велено достать свои альфорхи. Этим утром он был необычно молчалив с тех пор, как над ним подняли на смех, но теперь его лицо просветлело, и он с торжествующим видом достал свои альфорхи. В них содержались сведения о четырёхдневном путешествии, но они значительно обогатились после того, как он позавтракал предыдущим вечером в роскошной гостинице в Антикверее; и это, казалось, послужило поводом для шуток моего хозяина. Впереди дель Торо Се халлен тесоро восклицал он с веселым смешком, извлекая одно за другим разнородное содержимое, как факир в бесконечной череде фокусов, которой, казалось, не будет конца. Сначала была подана лопатка жареного козлёнка, затем целая куропатка; затем большой кусок солёной трески, завернутый в бумагу; затем остатки ветчины; затем половинка цыплёнка вместе с несколькими буханками хлеба и изрядной порцией апельсинов, инжир, изюм и грецкие орехи. Его бота также была дополнена превосходным вином из Малаги. При каждом новом появлении из своей кладовой он наслаждался нашим искренним удивлением, падал навзничь на траву, заливался смехом и восклицал: «Фронт дель Торо! — Фронт дель торо! Ах, сеньоры, в Антикваре Санчо считали простаком, но Санчо знал, где найти «тесоро». Пока мы развлекались его незамысловатыми шутками, к нам подошёл одинокий нищий, похожий почти на паломника. У него была почтенная седая борода, и он, очевидно, был очень стар, поскольку опирался на посох, но возраст не согнул его; он был высок и прямолинеен и сохранил прекрасную фигуру. На нём была круглая андалузская шляпа, куртка из овечьей шкуры, кожаные штаны, гетры и сандалии. Его одежда, хотя и была старой и залатанной, была приличной, а манеры мужественными, и он обратился к нам с той серьёзной учтивостью, которая свойственна простому испанцу. Мы были в хорошем настроении из-за такого гостя и в порыве капризной благотворительности подарили ему немного серебра, буханку отличного пшеничного хлеба и кубок с нашим лучшим вином из Малаги. Он принял все это с благодарностью, но без каких-либо подобострастных изъявлений преклонения. Попробовав вино, он поднёс его к свету, и в его глазах промелькнуло лёгкое удивление; затем, осушив его одним глотком, он сказал: «Прошло много лет с тех пор, как я пробовал такое вино в последний раз. Это целебное средство для сердца пожилого человека». Затем, взглянув на прекрасный пшеничный хлебец, он произнёс: «бендито си тал пан!» — «Да будет благословен такой хлеб!» С этими словами он положил его в свою суму. Мы уговорили его съесть это на месте. «Нет, сеньоры, — ответил он, — вино я должен был либо выпить, либо оставить, но хлеб я могу взять домой и разделить со своей семьёй».

Наш слуга Санчо встретился с намил взглядом и, прочитав на нём разрешение, отдал старику несколько обильных кусков нашей трапезы с условием, однако, что он сядет и приготовит еду. Он занял своё место на некотором расстоянии от нас и начал есть медленно, со сдержанностью и благопристойностью, которые подобали бы идалго. В целом, в поведении старика были размеренность и спокойное самообладание, которые навели меня на мысль, что он знал лучшие времена: его язык тоже, хотя и был прост, иногда содержал что-то живописное и почти поэтическое во фразеологии. Я принял его за какого-то сломленного житейскими бедами кабальеро. Я ошибся; это было не что иное, как врождённая учтивость испанца и поэтический образ мыслей и речи, которые часто можно встретить в низших слоях этого здравомыслящего народа. Он рассказал нам, что в течение пятидесяти лет был пастухом, но теперь остался без работы и без средств к существованию.

— Когда я был молод, — сказал он, — ничто не могло причинить мне вреда или беспокоить меня; я всегда был здоров, всегда весел; но теперь мне семьдесят девять лет, и я нищий, и сердце мое начинает подводить меня!

И все же он не был обычным нищим: только недавно нужда довела его до такого унижения; и он дал трогательную картину борьбы между голодом и гордостью, когда его впервые постигла крайняя нужда. Он возвращался из Малаги без денег; он уже некоторое время не ел

ничего вкусного и пересекал одну из обширных равнин Испании, где было всего несколько населённых пунктов. Умирая от голода, он обратился за помощью в венту, сельскую гостиницу. «Perdón usted por Dios hermano!» (Прости нас, брат, ради Бога!) — таков был ответ — обычный способ в Испании отказать нищему.

«Я отвернулся, — сказал он, — испытывая стыд сильнее, чем голод, ибо сердце мое было еще слишком гордым. Я подошёл к реке с высокими берегами и глубоким, быстрым течением, и почувствовал искушение броситься в неё: «Ради чего должен жить такой старый, никчемный, несчастный человек, как я?» Но когда я оказался на краю течения, я подумал о Пресвятой Деве и отвернулся. Я ехал дальше, пока не увидел неподалеку от дороги загородный дом и не вошёл во внешние ворота внутреннего двора. Дверь была закрыта, но у окна стояли две молодые сеньоры. Я подошёл и стал умолять: «Пожалуйста, прости меня, эрманано!» — и окно закрылось. Я выбрался со двора, но голод одолел меня, и сердце моё не выдержало: я подумал, что мой час близок, и лёг у ворот, помолился Святой Деве и, накрыв голову, приготовился умереть. Немного погодя хозяин дома вернулся домой: увидев, что я лежу у его ворот, он обнажил мне голову, сжалился над моими седыми волосами, взял меня в свой дом и накормил. Итак, сеньоры, вы видите, что всегда следует полагаться на покровительство Пресвятой Девы.

Старик направлялся в свое родное место, Арчидону, которое было как на ладони с крутой и скалистой горы. Он указал на руины замка.

— В этом замке, — сказал он, — во времена гранадских войн жил мавританский король. Королева Изабелла вторглась в него с огромной армией, но король посмотрел вниз из своего замка среди облаков и презрительно рассмеялся! После этого королеве явилась Пресвятая Дева и повела её и её войско по таинственной горной тропе, о которой никто прежде не знал. Когда мавр увидел, что она приближается, он был поражён и, прыгнув вместе со своей лошастью с обрыва, разбился вдребезги! Следы от копыт его лошади, — сказал старик, — можно увидеть на краю скалы и по сей день. И посмотрите, сеньоры, вон там дорога, по которой королева и её армия ехали верхом: вы видите её, как ленту, вьющуюся по склону горы; но чудо в том, что, хотя её и видно издалека, когда вы приближаетесь, она исчезает!

Идеальной дорогой, на которую он указал, несомненно, был песчаный овраг в горах, который издали казался узким и чётко очерченным, но при приближении становился всё более широким и расплывчатым. Когда сердце старика согрелось от вина и веселья, он рассказал нам историю о кладе, который мавританский король оставил под замком. Его собственный дом находился рядом с фундаментом замка. Священнику и нотариусу трижды приснился клад, и они отправились на работу в указанное место. Его собственный зять слышал ночью стук их кирк и лопат. Что они нашли, никто не знает; они внезапно разбогатели, но хранили свою тайну. Таким образом, старик когда-то жил по соседству с фортуной, но был обречён никогда не жить с ней под одной крышей. Я уже отмечал, что истории о сокровищах, зарытых маврами, столь популярные по всей Испании, наиболее расхожи среди беднейших слоев населения. Добрая природа компенсирует тенями отсутствие чего-либо существенного. Страдающий от жажды человек мечтает о фонтанах и бегущих ручьях, голодный — о пирах, а бедняк — о горах спрятанного золота: несомненно, нет ничего более роскошного, чем воображение нищего. Наша послеобеденная прогулка привела нас через крутое и труднопроходимое горное ущелье, называемое Пуэрте-дель-Рей, Королевский перевал, который является одним из величайших проходов на территорию Гранады, по которому король Фердинанд вёл свою армию. Ближе к закату дорога, огибая холм, привела нас к знаменитому маленькому пограничному городку Локса, который отразил нападение Фердинанда от своих стен. Его арабское название означает «Страж», и таковым он был для Веги Гранадского, будучи одним из его передовых отрядов. Это была крепость того пылкого ветерана, старого Али Атара, тестя Боабдила; и вот тогда-то последний собрал свои войска и предпринял тот катастрофический набег, который закончился смертью старого алькайда и его собственным пленением. Благодаря своему превос-

ходному положению, как бы у ворот этого горного перевала, Локса не зря была названа ключом к Гранаде. Это невероятно живописное место, построенное на склоне засушливой горы. Руины мавританского алькасара, или цитадели, венчают скалистый холм, возвышающийся в центре города. Река Ксениль омывает его основание, извиваясь среди скал, рощ, садов и лугов, и пересекается старым мавританским мостом. Над городом всё дико и бесплодно, внизу — богатейшая растительность и самая свежая зелень, какую только можно представить. Аналогичный контраст представляет река: выше моста она спокойна и покрыта травой, в ней отражаются рощи и сады; ниже она стремительна, шумна и бурлива. Сьерра-Невада, королевские горы Гранады, увенчанные вечными снегами, образуют отдалённую границу этого разнообразного ландшафта, одного из самых характерных для романтической Испании.

Сойдя на въезде в город, мы отдали наших лошадей Санчо, чтобы тот отвёл их на постоянный двор, а сами прогулялись по окрестностям, наслаждаясь необыкновенной красотой окрестностей. Когда мы пересекли мост, направляясь к прекрасной аламеде, или общественной прогулочной аллее, колокола пробили час молитвы. При этом звуке прохожие, как по делам, так и для развлечения, останавливались, снимали шляпы, крестились и повторяли вечернюю молитву: благочестивый обычай, который до сих пор неукоснительно соблюдается в отдалённых уголках Испании. В целом это было торжественное и красивое вечернее зрелище, и мы продолжали бродить, пока вечер постепенно не сгустился, и молодая Луна не засверкала между высокими вязами аламеды. Из этого состояния тихого умиротворения нас вывел голос нашего верного оруженосца, окликнувшего нас издалека. Он подошёл к нам, запыхавшись.»

— Ах, сеньоры, — воскликнул он, — я рад, что Санчо остался без Дон Кихота! (Ах, сеньоры, бедный Санчо — ничто без Дон Кихота.) Он был встревожен тем, что мы не пришли в гостиницу; Локса была таким диким горным местом, полным контрабандистов, чародеев и мрака преисподней; он не очень хорошо понимал, что могло случиться, и отправился на поиски, расспрашивая о нас каждого встречного, пока не выследил нас на мосту и, к своей великой радости, не увидел, как мы прогуливаемся по аламеде. Гостиница, в которую он нас привёл, называлась «Корона», и мы нашли её вполне соответствующей характеру этого места, обитатели которого, похоже, всё ещё сохраняют смелый, пламенный дух старины. Хозяйкой была молодая и красивая андалузская вдова, чья изящная баскиня из чёрного шёлка, отороченная стеклярусом, подчеркивала игру грациозных форм и округлых гибких конечностей. Походка у неё была твёрдая и упругая, тёмные глаза горели огнем, а кокетство её манер и разнообразные украшения свидетельствовали о том, что она привыкла вызывать восхищение. У неё был брат, почти её ровесник; они были идеальными образцами андалузских Маджо и Майи. Он был высок, энергичен и хорошо сложен, с чистым оливковым цветом лица, тёмными лучистыми глазами и вьющимися каштановыми бакенбардами, которые сходились под подбородком. Он был элегантно одет в короткую зелёную бархатную куртку, плотно облегающую его фигуру, богато украшенную серебряными пуговицами, с белым носовым платком в каждом кармане. На нём были такие же бриджи с рядами пуговиц от бёдер до колен; розовый шёлковый носовой платок на шее, собранный в кольцо, на груди аккуратно сшитой рубашки; пояс в тон; боттины из тончайшей красновато-коричневой кожи, изящно выделанные и расстегнутые на икрах, чтобы показать чулки; и красновато-коричневые туфли, подчёркивающая правильную форму стопы.

Когда он стоял в дверях, к нему подъехал всадник и вступил с ним в тихий и серьёзный разговор. Он был одет в таком же стиле и почти с такой же роскошью; это был мужчина лет тридцати, плотного телосложения, с резкими римскими чертами лица, красивый, хотя и слегка изъеденный оспой, со свободным, смелым и даже несколько дерзновенным видом. Его мощный вороной конь был украшен кисточками и причудливой сбруей, а за седлом висела пара мушкетёров с широкими дулами. Он походил на одного из тех контрабандистов, которых я видел в горах Ронды, и, очевидно, был в хороших отношениях с братом хозяйки моего дома;

более того, если я не ошибаюсь, он был любимым поклонником вдовы. На самом деле, вся гостиница и её обитатели напоминали контрабандистов, а в углу рядом с гитарой стоял мушкетон. Всадник, о котором я упоминал, провёл вечер в посаде и с большим воодушевлением спел несколько смелых горных романсов. Когда мы ужинали, к нам подошли двое бедных астурийцев, оказавшихся в бедственном положении, и попросили еды и ночлега. На них напали разбойники, когда они возвращались с ярмарки в горах, отобрали лошадь, на которой были все их товары для торговли, отобрали деньги и большую часть одежды, избили за то, что они оказали сопротивление, и оставили почти голыми на дороге. Мой спутник с присущей ему щедростью заказал им ужин и ночлег и дал некоторую сумму денег, чтобы они могли добраться до дома. По мере продвижения вечера количество действующих лиц росло. Крупный мужчина, около шестидесяти лет, мощного телосложения, зашёл поболтать с хозяйкой ресторана. Он был одет в обычный андалузский костюм, но под мышкой у него была зажата огромная сабля, он носил большие усы и держался с каким-то чересчур надменным видом. Казалось, все относились к нему с большим почтением.

Наш человек Санчо шепнул нам, что это дон Вентура Родригес, герой и чемпион Локсы, известный своей доблестью и силой рук. Во время французского вторжения он застал врасплох шестерых солдат, которые спали; сначала он захватил их лошадей, затем напал на них с саблей, нескольких убил, а остальных взял в плен. За этот подвиг король выделяет ему песету (пятую часть дура, или доллара) в день и удостоил его звания дона. Меня позабавили его красноречие и манера держаться. Очевидно, он был настоящим андалузцем, хвастливым и храбрым одновременно. Его сабля всегда была у него в руке или под мышкой. Он всегда носил её с собой, как ребёнок таскает свою куклу, называя её своей Санта-Терезой и говорит: «Когда я рисую ее, земля дрожит» (*tiembla la tierra*).

Я просидел допоздна, слушая разнообразные песни этой разношёрстной компании, которые сочетались с непринужденностью испанского посада. Мы слушали песни контрабандистов, истории о разбойниках, подвигах партизан и мавританские легенды. Последние были от нашей очаровательной хозяйки, которая поэтично описала инфернос, или адские области Локсы, — тёмные пещеры, в которых таинственно шумят подземные ручьи и водопады. Простые люди говорят, что со времён мавров там были заперты чеканщики монет и что мавританские короли хранили свои сокровища в этих пещерах. Я лёг спать со взбудораженным воображением от всего, что увидел и услышал в этом старом воинственном городе. Едва я заснул, как был разбужен ужасным грохотом и суматохой, которые могли бы смутить самого героя Ламанчи, чей опыт пребывания в испанских гостиницах был полон постоянного шума и скандалов. На мгновение мне показалось, что в город снова ворвались мавры или что это вырвались на свободу те дьяволы, о которых говорила хозяйка. Полуодетый, я отправился на разведку. Это было не что иное, как чаривари по случаю бракосочетания старика с пышногрудой девушкой. Пожелав ему счастья от встречи с невестой и исполнения серенады, я вернулся в свою более тихую постель и крепко проспал до утра.

Одеваясь, я развлекался тем, что наблюдал за населением из своего окна. Там были группы симпатичных молодых людей в элегантных причудливых андалузских костюмах, в коричневых плащах, накинутых на них в истинно испанском стиле, который невозможно имитировать, и в маленьких круглых шляпах маджо, надетых с особым видом знатока. У них была та же самая манера держаться, которую я заметил у модных альпинистов Ронды. Действительно, вся эта часть Андалусии изобилует такими забавными персонажами. Они слоняются по городам и весям; кажется, у них много времени и денег.; «лошадь, на которой можно ездить верхом, и оружие, которое нужно носить». Великие сплетники, заядлые курильщики, умеющие играть на гитаре, поющие куплеты своим красавицам-майям и знаменитые танцовщицы болеро. По всей Испании мужчины, какими бы бедными они ни были, обладают изобилием свободного времени, подобающим джентльмену; похоже, они считают, что истинный кавальеро

никогда никуда не спешит и не обязан делать что-то полезное, но андалузцы так же веселы, как и неторопливы, и у них нет ни одного из отвратительных атрибутов праздности. Авантюрная контрабандная торговля, которая преобладает в этих горных районах и вдоль морских границ Андалусии, несомненно, лежит в основе этого галлиардного характера. В отличие от костюмов этих групп, двое длинноногих валенсийцев вели осла, нагруженного товарами; их мушкет был перекинут крест-накрест через спину, всегда готовый к бою. Они были одеты в круглые куртки (джалеко), широкие льняные браги или панталоны, едва доходящие до колен и похожие на килты, красные фахасы или кушаки, туго обмотанные вокруг талии, сандалии из эспарталя или бамбуковой травы, цветные платки на голове, напоминающие тюрбаны, но оставляющие макушку непокрытой, короче говоря, весь их внешний вид во многом напоминает традиционный мавританский стиль.

При выезде из Локсы к нам присоединился всадник на хорошем коне и в хорошем вооружении, а за ним пешком следовал эскопетеро или мушкетер. Он учтиво приветствовал нас и вскоре посвятил в свои обязанности. Он был начальником таможни, или, скорее, я бы предположил, начальником вооруженного отряда, в обязанности которого входило патрулирование дорог и поиск контрабандистов. Эскопетеро был одним из его охранников. Во время нашей утренней прогулки верхом я выведал у него кое-какие подробности о контрабандистах, которые превратились в Испании в своего рода полукровное рыцарство. По его словам, они прибывают в Андалусию из разных уголков, но особенно из Ла-Манчи; иногда для того, чтобы получить товары, которые в назначенную ночь будут переправлены контрабандой через границу на площади или берегу Гибралтара; иногда для встречи с судном, которое в назначенную ночь будет находиться в определённой части Андалусии, близ побережья. Они держатся вместе и путешествуют по ночам. Днём они спокойно отдыхают в барранко, горных ущельях или уединённых фермерских домах, где их обычно хорошо принимают, поскольку они щедро одаривают семьи своими контрабандными товарами. Действительно, большая часть нарядов и безделушек, которые носят жёны и дочери жителей горных деревушек и фермерских домов, — это подарки от весёлых и щедрых контрабандистов. Прибыв в ту часть побережья, где их должно встретить судно, они ночью наблюдают за происходящим с какой-нибудь скалистой точки или мыса. Если они замечают парус вблизи берега, они подают согласованный сигнал; иногда он заключается в том, что они внезапно трижды высовывают фонарь из-под складок плаща. Если на сигнал отвечают, они спускаются на берег и готовятся к быстрой работе. Судно подходит совсем близко; все его лодки заняты выгрузкой контрабандных товаров, упакованных в плотные тюки для удобства перевозки верхом. Их поспешно выбрасывают на берег, так же поспешно собирают и навьючивают на лошадей, после чего контрабандисты с грохотом уносятся в горы. Они путешествуют по самым труднопроходимым, диким и уединённым дорогам, где преследовать их практически невозможно. Таможенники и не пытаются это делать: они идут другим путем. Когда они слышат, что один из таких отрядов возвращается через горы с полным снаряжением, они выступают в поход всей группой, иногда в составе двенадцати пехотинцев и восьми всадников, и занимают позицию там, где горное ущелье выходит на равнину. Пехотинцы, которые сидят в засаде на некотором расстоянии в ущелье, пропускают отряд, затем поднимаются и открывают по ним огонь. Контрабандисты бросаются вперед, но их встречают всадники. Завязывается ожесточённая перестрелка. Контрабандисты, попав в затруднительное положение, впадают в отчаяние. Некоторые спешиваются, используют своих лошадей как бруствер и стреляют поверх их спин; другие перерезают веревки, сбрасывают рюкзаки, чтобы задержать врага, и пытаются скрыться на своих скакунах. Некоторые таким образом отделяются потерей своих товаров; некоторых забирают — лошадей, посылки и все остальное; другие бросают все и спасаются бегством, карабкаясь по горам.

— И тогда, — воскликнул Санчо, который жадно прислушивался, — они становятся законными рабителями! И тогда они становятся законными разбойниками.

Я не мог удержаться от смеха, услышав, что Санчо считает такое занятие законным, но начальник таможни сказал мне, что на самом деле контрабандисты, доведённые таким образом до крайности, считают, что у них есть своего рода право выходить на дорогу и облагать путешественников налогом до тех пор, пока они не получают его, чтобы собранных средств хватило на то, чтобы снова оснаститься в контрабандистском стиле. Ближе к полудню наш попутчик попрощался с нами и направился вверх по крутому ущелью, сопровождаемый своим эскопетеро; вскоре после этого мы спустились с гор и вступили на знаменитую Гранадскую Вегу. В последний раз мы поужинали в середине дня в оливковой роще на берегу ручья. Мы жили в классическом районе, потому что неподалеку были рощи и фруктовые сады Сото-де-Рома. Согласно легендарной традиции, это было уединённое место, основанное графом Джулианом для утешения своей дочери Флоринды. Это был сельский курорт мавританских королей Гранады, а в наше время он был пожалован герцогу Веллингтону. Наш достойный оруженосец скорчил печальную мину, в последний раз доставая содержимое своих альфорхас, и посетовал, что наша экспедиция подходит к концу, ибо с такими кавалерами, по его словам, он мог бы отправиться хоть на край света. Однако наша трапеза была весёлой, ведь она была приготовлена под таким восхитительным покровительством. День был безоблачным. Солнечный жар смягчался прохладным ветерком с гор. Перед нами простиралась великолепная Вега. Вдалеке виднелась романтическая Гранада, увенчанная красноватыми башнями Альгамбры, а далеко над ней серебрились снежные вершины Сьерра-Невады. Закончив трапезу, мы расстелили плащи и провели последнюю сиесту на свежем воздухе, убаюкиваемые жужжанием пчёл среди цветов и криками голубей среди оливковых ветвей. Когда знойные часы прошли, мы продолжили наше путешествие. Через некоторое время мы догнали маленького поджарого человечка, по форме напоминавшего жабу, сидевшего верхом на муле. Он разговорился с Санчо и, узнав, что мы незнакомы, взялся проводить нас в хорошую усадьбу. По его словам, он был эскрибано (нотариусом) и знал город так же хорошо, как свой собственный карман.

— О боже, сеньоры! Какой город вы увидите! Какие улицы! Какие площади! Какие дворцы! А женщины — ах, Санта — Мария — пурисима, какие женщины!

— Но посад, о котором вы говорите, — сказал я, — вы уверены, что он такой хороший?

— Хороший! Санта-Мария! Лучшие в Гранаде. Великолепные салоны — камас — де — люкс-колхоны-де-плюма (великолепные салоны — роскошные спальни — с пуховыми кроватями). Ах, сеньоры, вы будете чувствовать себя как король Чико в Альгамбре!

— А как поживают мои лошади? — воскликнул Санчо.

— Как лошади короля Чико. «Шоколад с молоком и сахаром на завтрак» (пирожные с шоколадом и молоком с сахаром на завтрак), — сказал он и хитро подмигнул оруженосцу. После столь удовлетворительных отчётов, большего и желать было нечего. Итак, мы спокойно поехали дальше, маленький сутулый нотариус шёл впереди и каждую минуту оборачивался к нам с каким-нибудь новым восклицанием о грандерах Гранады и о том, как славно мы проведём время в посаде. Сопровождаемые таким образом, мы прошли между живыми изгородями из алоэ и индийского инжира, через те дикие сады, которыми украшена Вега, и на закате прибыли к городским воротам. Наш услужливый маленький проводник провёз нас по одной улице, потом по другой, пока не въехал во двор гостиницы, где, казалось, чувствовал себя как дома. Назвав хозяина по имени, он поручил нас его заботам как двух отважных кавалеров, достойных его лучших апартаментов и самой роскошной еды. Мы сразу же вспомнили о снисходительном незнакомце, который с таким размахом представил Жиль Бласа хозяину и хозяйке гостиницы в Пеннафлоре, заказав на ужин форель и с аппетитом наевшись за его счёт.»

— Вы не знаете, что обрели! — крикнул он хозяину гостиницы и его жене, — У вас в доме настоящее сокровище. Узрите в этом молодом джентльмене восьмое чудо света — в этом

доме нет ничего слишком удивительного для сеньора Жиль Бласа из Сантьяны, который заслуживает того, чтобы его принимали как принца.

Решив, что маленький нотариус не должен есть форель за наш счет, как его прототип Пеннафлор, мы не стали приглашать его на ужин; к тому же у нас не было причин упрекать себя в неблагодарности, поскольку ещё до наступления утра мы обнаружили, что маленький шалун, который, без сомнения, был добрым другом хозяина, заманил нас в ловушку в одну из самых убогих посадок Гранады.

ДВОРЕЦ АЛЬГАМБРА

ДЛЯ путешественника, проникнутого чувством исторического и поэтического, столь неразрывно переплетенных в анналах романтической Испании, Альгамбра является таким же объектом поклонения, как Кааба для всех истинных мусульман. Сколько легенд и преданий, правдивых и сказочных, сколько песен и баллад, арабских и испанских, о любви, войне и рыцарстве, связано с этим восточным памятником! Это была королевская обитель мавританских королей, где, окруженные великолепием и утонченностью азиатской роскоши, они властвовали над тем, что они называли земным раем, и в последний раз отстаивали свою империю в Испании. Королевский дворец является лишь частью крепости, стены которой, усеянные башнями, беспорядочно тянутся по всему гребню холма, отрогу Сьерра-Невады или Снежных гор и возвышаются над городом.

Внешне это грубое нагромождение башен и зубчатых стен, не отличающееся ни правильностью плана, ни изяществом архитектуры и не дающее представления о том изяществе и красоте, которые царят внутри. Во времена мавров крепость была способна вместить в своих пределах сорокатысячную армию и иногда служила оплотом монархов против их мятежных подданных. После того как королевство перешло в руки христиан, Альгамбра продолжала оставаться королевским владением, и время от времени в ней проживали кастильские монархи. Император Карл V начал строительство роскошного дворца в его стенах, но ему помешали завершить его неоднократные землетрясения.

Последним резидентом королевской семьи был Филипп V с его прекрасной королевой Елизаветой Пармской в начале XVIII века. К их приёму были проведены большие приготовления. Дворец и сады были приведены в порядок, а также были построены новые апартаменты, которые были украшены художниками, привезёнными из Италии. Пребывание монархов было недолгим, и после их отъезда дворец снова пришёл в запустение. Тем не менее, в этом месте сохранялось военное положение. Губернатор управлял им непосредственно из рук короны, его юрисдикция распространялась на пригороды города и была независима от генерал-капитана Гранады.

Здесь содержался значительный гарнизон; апартаменты губернатора располагались перед старым мавританским дворцом, и он никогда не появлялся в Гранаде без военного парада. Крепость, по сути, сама по себе была небольшим городком, в пределах которого находилось несколько улиц с жилыми домами, а также францисканский монастырь и приходская церковь. Однако бегство придворных стало смертельным ударом по Альгамбре. Её прекрасные залы пришли в запустение, а некоторые из них превратились в руины; сады были разрушены, а фонтаны перестали бить. Постепенно жилища стали наполняться распущенным и беззаконным населением; контрабандистами, которые воспользовались независимой юрисдикцией города, чтобы вести широкую и дерзкую контрабандную деятельность, а также ворами и проходивцами всех мастей, которые сделали это место своим убежищем, откуда они могли совершать набеги на Гранаду и её окрестности. В конце концов сильная рука правительства вмешалась; вся община была тщательно просеяна; не осталось никого, кроме тех, кто отличался честностью и имел законное право на проживание; большая часть домов была снесена, и осталась лишь деревушка с приходской церковью и францисканским монастырём.

Во время недавних беспорядков в Испании, когда Гранада находилась в руках французов, в Альгамбре находился гарнизон их войск, а во дворце иногда проживал французский командующий. С тем просвещенным вкусом, который всегда отличал французскую нацию в её завоеваниях, этот памятник мавританской элегантности и величия был спасён от участи абсолютных руин и запустения, которые его окружали. Крыши были отремонтированы, салоны и галереи защищены от непогоды, сады разбиты вновь, водотоки восстановлены, фонтаны снова

забили искрящимися струями; и Испания может поблагодарить своих захватчиков за то, что они сохранили для неё самые красивые и интересные из исторических памятников. После ухода французы взорвали несколько башен внешней стены, и укрепления стали едва ли жизнеспособными. С тех пор военное значение этого поста подошло к концу. Гарнизон состоит из горстки солдат-инвалидов, основная обязанность которых заключается в охране нескольких внешних башен, которые иногда служат государственной тюрьмой; а губернатор, покинув высокий холм Альгамбра, проживает в центре Гранады для более удобного выполнения своих служебных обязанностей. Я не могу завершить это краткое описание состояния крепости, не упомянув о благородных усилиях её нынешнего коменданта, дона Франсиско де Серна, который использует все имеющиеся в его распоряжении ограниченные ресурсы для приведения дворца в порядок и благодаря его разумным мерам предосторожности на некоторое время остановилось его слишком явный распад. Если бы его предшественники выполняли свои обязанности с такой же преданностью, Альгамбра, возможно, сохранилась бы почти в первозданном виде; и если бы правительство выделило ему средства, равные его усердию, эта реликвия всё ещё могла бы храниться в течение многих поколений, украшая страну и привлекая любопытных и просвещенных людей из всех стран.

Разумеется, нашей первой целью на следующее утро после прибытия было посещение этого старинного сооружения; однако путешественники так часто и так подробно описывали его, что я не берусь давать исчерпывающий и подробный отчет о нём, а лишь зарисовки отдельных частей, с инцидентами и ассоциациями, связанными с ними. Покинув наш дом и пройдя через знаменитую площадь Виваррамбла, которая когда-то была ареной мавританских поединков и турниров, а теперь превратилась в многолюдную рыночную площадь, мы направились по Закатину, главной улице того, что во времена мавров было Большим базаром, где располагались маленькие магазинчики и узкие переулки, которые по-прежнему хранят восточный колорит. Пересекая открытое пространство перед дворцом капитан-генерала, мы поднялись по узкой и извилистой улочке, название которой напомнило нам о рыцарских временах Гранады. Она называется Калле, или улица Гомеров, в честь мавританской семьи, известной в летописях и песнях. Эта улица вела к площади Пуэрта-де-лас-Гранадас, массивным воротам греческой архитектуры, построенным Карлом V и служившим входом во владения Альгамбры.

У ворот на каменной скамье дремали два или три оборванных солдата в отставке, наследники Зегри и Абенсеррахов, а высокий тощий оборванец, чей ржаво-коричневый плащ, очевидно, предназначался для того, чтобы скрыть изношенность нижней одежды, нежился на солнышке и болтал с незнакомцем. Это был самый древний страж на посту, из всех, каких я когда-либо видел. Он присоединился к нам, когда мы входили в ворота, и предложил свои услуги, чтобы показать нам крепость. Я, как путешественник, испытываю неприязнь к назойливому чичероне, и мне не совсем понравился наряд этого пришельца.

— Я полагаю, вы хорошо знакомы с этим местом? -Нет ничего лучше, сеньор, чем Альгамбра! (Лучше и быть не может; на самом деле, сэр, я сын Альгамбры!)

Простые испанцы, безусловно, обладают самым поэтичным способом самовыражения. «Сын Альгамбры!» — это название сразу же привлекло моё внимание; даже изодранный в клочья наряд моего нового знакомого не показался мне недостойным. Он символизировал богатство этого места и приличествовал потому что руин. Я задал ему еще несколько вопросов и выяснил, что его титул был законным. Его семья жила в крепости из поколения в поколение со времён завоевания. Его звали Матео Хименес.»

— Тогда, может быть, — сказал я, — вы потомок великого кардинала Хименеса?

— Боже правый! Видит бог, сеньор! Может быть, это и так. Мы — старейшая семья в Альгамбре, Кристианос Вьехос, старые христиане, без примеси мавров или евреев. Я знаю, что мы принадлежим к какой-то великой семье, но не помню, к какой именно. Мой отец знает об этом всё: у него в его доме, в крепости, висит какой-то герб.

Нет ни одного испанца, каким бы бедным он ни был, который не претендовал бы на высокое происхождение. Однако первый титул этого достойного оборванца совершенно очаровал меня, и я с радостью принял услуги «Сына Альгамбры».

Теперь мы оказались в глубоком узком ущелье, заросшем прекрасными рощами, с крутой аллеей и множеством вьющихся по ней пешеходных дорожек, окаймлённых каменными скамьями и украшенных фонтанами. Слева от нас возвышались башни Альгамбры; справа, на противоположной стороне ущелья, над нами возвышались соперничающие башни на скалистом возвышении. Нам сказали, что это были Торрес-Вермехос, или алые башни, названные так из-за их красноватого оттенка. Никто не знает их происхождения. Они были построены намного раньше Альгамбры; одни полагают, что они были построены римлянами, другие — какой-то кочующей колонией финикийцев. Поднимаясь по крутой и тенистой аллее, мы подошли к подножию огромной квадратной мавританской башни, образующей нечто вроде барбакана, через который проходил главный вход в крепость. Внутри барбакана находилась ещё одна группа ветеранов-инвалидов, один из которых стоял на страже у входа, в то время как остальные, завернувшись в свои изодранные плащи, спали на каменных скамьях. Эти ворота называются Вратами Правосудия из-за того, что во времена мусульманского господства на их крыльце располагался трибунал для немедленного рассмотрения мелких дел: обычай, распространённый у восточных народов и иногда упоминаемый в Священных Писаниях. «Судей и надзирателей поставь у всех ворот твоих, и они будут судить народ праведным судом».

Большой вестибюль, или крыльцо ворот, образован огромной арабской аркой в форме подковы, которая достигает половины высоты башни. На замковом камне этой арки выгравирована гигантская рука. Внутри вестибюля, на замковом камне портала, таким же образом изваян гигантский ключ. Те, кто претендует на некоторое знание мусульманских символов, утверждают, что рука является эмблемой учения, а пять пальцев обозначают пять основных заповедей ислама: пост, паломничество, раздачу милостыни, омовение и войну с неверными. Ключ, говорят они, является символом веры или власти; ключ Дауда, или Давида, переданный пророку.

«И положу ключ от дома Давидова на плечо его, и он будет отворять, и никто не затворит, и он будет затворять, и никто не отворит». (Исаия xxii. 22.)

Говорят, что ключ был изображён на знамени мусульман в противовес христианской эмблеме в виде креста, когда они завоёвывали Испанию или Андалусию. Это символизировало завоевательскую силу, которой обладал пророк. «У кого ключ Давидов, тот отворяет, и никто не затворит; и затворяет, и никто не отворит» (Отк. iii. 7.)

Однако законный Сын Альгамбры дал этим эмблемам другое объяснение, более созвучное представлениям простых людей, которые придают всему мавританскому что-то таинственное и магическое и придерживаются всевозможных суеверий, связанных с этой старой мусульманской крепостью. По словам Матео, это была традиция, переданная от старейших жителей и доставшаяся ему от отца и деда, согласно которой рука и ключ были магическими устройствами, от которых зависела судьба Альгамбры. Мавританский король, построивший её, был великим волшебником или, как считали некоторые, продался дьяволу и наложил на всю крепость магическое заклятие. Таким образом, она простояла несколько лет, несмотря на штормы и землетрясения, в то время как почти все остальные здания Вересковых пустошей превратились в руины и исчезли. Согласно преданию, это заклинание будет действовать до тех пор, пока рука, лежащая на внешней арке, не опустится вниз и не схватит ключ, тогда вся груда развалится на куски и обнаружатся все сокровища, зарытые под ней маврами. Несмотря на это зловещее предсказание, мы рискнули пройти через заколдованные ворота, чувствуя некоторую уверенность в защите Девы Марии от магического искусства, статую которой мы наблюдали над порталом. Пройдя через барбакан, мы поднялись по узкой улочке, вьющейся между стенами, и вышли на открытую эспланаду внутри крепости, называемую Пласа-де-лос-Альгибес,

или Место Цистерн, из огромных резервуаров, которые находятся под ней, вырубленных маврами в живой скале, чтобы принимать воду, доставляемую каналы из Дарро для снабжения крепости. Здесь же находился колодец огромной глубины, наполненный чистой и холодной водой, — еще один памятник тонкого вкуса мавров, которые были неутомимы в своих усилиях получить этот химический элемент в его кристальной чистоте. Перед этой эспланадой находилось великолепное сооружение, возведенное Карлом V и, как говорят, призванное затмить резиденцию мавританских королей. Большая часть восточного здания, предназначенного для зимнего сезона, была снесена, чтобы освободить место для этого массивного сооружения. Парадный вход был завален, так что в настоящее время вход в мавританский дворец осуществляется через простой и почти скромный портал в углу. При всём массивном величии и архитектурных достоинствах дворца Карла V мы восприняли его как наглого незваного гостя и, пройдя мимо него с чувством почти презрения, позвонили в мусульманский портал. Пока мы ждали, когда нас впустят, наш добровольный помощник, Матео Хименес, сообщил нам, что королевский дворец вверен заботам достойной старой девы по имени донья Антония-Молина, которая, согласно испанскому обычаю, пользуется более дружелюбным именем Тиа Антония (тетя Антония), которая поддерживал в порядке мавританские залы и сады и показывал их незнакомцам. Пока мы разговаривали, дверь открыла маленькая пухленькая черноглазая андалузская девушка, которую Матео называл Долорес, но которая, судя по её яркой внешности и весёлому нраву, явно заслуживала более веселого имени.

Пока мы ждали, когда нас впустят, наш добровольный помощник, Матео Хименес, сообщил нам, что королевский дворец вверен заботам достойной старой девы по имени донья Антония-Молина, которая, согласно испанскому обычаю, пользуется более дружелюбным именем Тиа Антония (тетя Антони), и которая поддерживал в порядке мавританские залы и сады и показывал их незнакомцам. Матео шепотом сообщил мне, что она племянница Тии Антонии, и я узнала, что она была доброй феей, которая должна была провести нас по заколдованному дворцу. Под её руководством мы переступили порог и сразу же, словно по мановению волшебной палочки, перенеслись в другие времена и в восточную страну, где разыгрывались сцены из древних арабских сказок.

Ничто не могло так сильно контрастировать с тем, что происходило сейчас перед нами, как бесперспективный внешний вид здания. Мы оказались в обширном внутреннем дворе, сто пятьдесят футов в длину и более восьмидесяти футов в ширину, вымощенном белым мрамором и украшенном с обеих сторон лёгкими мавританскими перистилиями, один из которых поддерживал элегантную галерею резной архитектуры. Вдоль карнизов и на различных частях стен были нанесены гербы и шифры, а также горельефные куфические и арабские иероглифы, повторяющие благочестивые девизы мусульманских монархов, строителей Альгамбры, или восхваляющие их величие и щедрость. По центру двора тянулся огромный бассейн, или цистерна (*estanque*), сто двадцать четыре фута в длину, двадцать семь в ширину и пять в глубину, в который вода поступала из двух мраморных ваз. Отсюда и название «Двор Альберки» (от «аль-Беерка», что в переводе с арабского означает пруд или резервуар).

В водах бассейна можно было увидеть множество золотых рыбок, поблескивающих в воде, и он был окружен живыми изгородями из роз. Пройдя со двора Альберки под мавританской аркой, мы вошли в знаменитый Львиный двор. Ни одна часть здания не дает более полного представления о его первоначальной красоте, чем эта, поскольку ни одна из них так мало не пострадала от разрушительного воздействия времени. В центре находится фонтан, прославленный в песнях и легендах. Из алебастровых чаш по-прежнему льются бриллиантовые капли; двенадцать львов, которые их поддерживают и дают название двору, по-прежнему извергают хрустальные струи, как во времена Боабдила. Львы, Львы, однако, недостойны своей славы, поскольку представляют собой жалкую скульптуру, вероятно, работы какого-нибудь христианского пленника. Двор разбит цветочными клумбами, а не выложен старинной плиткой или

мрамором; это изменение, свидетельствующее о дурном вкусе, было произведено французами, когда они владели Гранадой. По четырём сторонам двора расположены лёгкие арабские аркады ажурной филигранной работы, поддерживаемые стройными колоннами из белого мрамора, которые, как предполагается, первоначально были позолочены. Архитектура, как и в большинстве интерьеров дворца, отличается скорее элегантностью, чем величием, что свидетельствует о тонком и изящном вкусе и склонности к праздному наслаждению. Когда смотришь на сказочные следы перистилей и кажущуюся хрупкой резьбу на стенах, трудно поверить, что так много всего из этой красоты пережило износ веков, потрясения землетрясений, жестокость войн и тихие, хотя и не менее пагубные кражи со вкусом подобранных вещей.

Всё это удивительно для путешественника, этого почти достаточно, чтобы оправдать популярную традицию, согласно которой все это защищено магическим оберегом. С одной стороны двора богатый портал ведет в Зал Абенсеррахов, названный так в честь доблестных кавалеров ого прославленного рода, которые были здесь вероломно убиты. Кое-кто сомневается во всей этой истории, но наш скромный чичероне Матео указал на ту самую калитку в портале, через которую их одного за другим вводили во Двор львов. Издали до нас доносились тихие звуки.

Звуки, о которых идёт речь, без сомнения, производились, как я впоследствии имел возможность убедиться, бурлящими потоками и звенящими водопадами воды, направлявшейся под мостовую по трубам и каналам для питания фонтанов; но я был слишком тактичен, чтобы поделиться такой мыслью со скромным летописцем Альгамбры. Ободренный моей легкой доверчивостью, Матео сообщил мне следующее как несомненный факт, который он унаследовал от своего деда: — Жил-был солдат-инвалид, которому поручили охранять Альгамбру, чтобы показывать её незнакомцам; однажды вечером, в сумерках, проходя через Львиный двор, он услышал шаги в зале Абенсеррахов; предположив, что там задержались какие-то незнакомцы, он направился к ним, когда, к своему изумлению, он увидел четырех мавров, богато одетых, в золоченых кирасах и наперсниках, с кинжалами, сверкающими драгоценными камнями. Они расхаживали взад и вперед торжественным шагом, но остановились и поманили его к себе. Старый солдат, однако, обратился в бегство, и впоследствии его так и не удалось уговорить войти в Альгамбру.

Вот так люди иногда отворачиваются от фортуны, ибо Матео твёрдо убежден, что мавры сами намеревались открыть место, где были зарыты их сокровища. Преемник солдата-инвалида оказался более знающим; он приехал в Альгамбру бедным, но через год уехал в Малагу, купил дома, завёл карету и до сих пор живёт там, он один из самых богатых и старейших людей в городе; всё это, как мудро предположил Матео, было следствием того, что он раскрыл золотую тайну этих призрачных вересковых пустошей. Теперь я понял, что приобрел бесценного знакомого в лице этого Сына Альгамбры, человека, который знал всю апокрифическую историю этого места и твёрдо верил в неё, напичкав свою память знаниями, к которым я питаю тайную симпатию, но которые слишком легко счесть мусором менее снисходительными философами. Я решил завязать знакомство с этим учёным фиванцем. Прямо напротив Дома Абенсерраховов богато украшенный портал ведет в зал, вызывающий менее трагические ассоциации. Он светлый и величественный, отличается изысканным изяществом архитектуры, выложен белым мрамором и носит многозначительное название «Зал Двух Сестёр».

Некоторые разрушают романтичность названия, приписывая его двум огромным албастровым плитам, которые лежат бок о бок и составляют большую часть тротуара: это мнение полностью поддерживает Матео Хименес. Другие склонны придавать этому названию более поэтический смысл, как смутному напоминанию о мавританских красавицах, некогда украшавших этот зал, который, очевидно, был частью королевского гарема. Я был рад услышать это мнение от нашего маленького ясноглазого гида Долорес, которая указала на балкон над внутренним крыльцом; как ей сказали, эта галерея принадлежала женским апартаментам. «Видите,

сеньор, — сказала она, — здесь все зарешечено, как на галерее в монастырской часовне, где монахини слушают мессу, потому что мавританские короли, — добавила она с негодованием, — запирали своих жён совсем как монахинь».

На самом деле до сих пор сохранились решетчатые «жалюзи», через которые темноглазые красавицы гарема могли незаметно наблюдать за самбрами и другими танцами и развлечениями в зале внизу. По обе стороны этого зала расположены ниши или альковы для пуфиков и кушеток, на которых сладострастные повелители Альгамбры предавались тому мечтательному отдыху, который так дорог востоковедам. Купол или фонарь пропускают приглушенный свет сверху и обеспечивают свободную циркуляцию воздуха, при этом с одной стороны слышно освежающее журчание воды в фонтане львов, а с другой — мягкий плеск воды из бассейна в саду Линдаракса. Невозможно созерцать эту сцену, столь совершенную по-восточному, не испытывая ранних ассоциаций с арабской романтикой и почти ожидая увидеть белую руку какой-нибудь таинственной принцессы, манящую с галереи, или чей-нибудь тёмный глаз, сверкающий сквозь решётку. Обитель красоты находится здесь, как будто она была заселена только вчера; но где же две сестры, где Зорайды и Линдараксы! Обильный запас воды, доставляемой с гор по старинным мавританским акведукам, циркулирует по всему дворцу, питая его ванны и бассейны для разведения рыбы, сверкая струями в его залах или журча в каналах вдоль мраморных тротуаров. Когда она отдаёт дань уважения королевскому дворцу и посещает его сады и партеры, она течет по длинной аллее, ведущей в город, журча в ручьях, бьась в фонтанах и поддерживая вечную зелень в тех рощах, которые окружают и украшают весь холм Альгамбры. Только те, кто жил в жарком климате Юга, могут оценить прелести этого места, сочетающего в себе прохладу горного бриза со свежестью и зеленью долины. В то время как город внизу изнемогает от полуденной жары, а выжженная Вега трепещет перед глазами, нежный воздух Сьерра-Невады проникает в эти высокие залы, принося с собой сладость окружающих садов. Всё располагает к безмятежному отдыху, блаженству южных краев; и пока полузакрытый глаз смотрит с затененных балконов на сверкающий пейзаж, слух убаюкивают шелест роц и журчание бегущих ручьёв.

Однако пока я воздержусь от описания других восхитительных помещений дворца. Моя цель — просто дать читателю общее представление об обители, где, если он захочет, он может задерживаться и слоняться со мной день за днём, пока мы постепенно не познакомимся со всеми её изумительными достопримечательностями.

ЗАМЕТКА ОБ АРХИТЕКТУРЕ МОРИСКО

Для неопытного глаза лёгкие рельефы и причудливые арабески, покрывающие стены Альгамбры, могут показаться выполненными вручную, при посредстве тщательного и терпеливого труда, с неисчерпаемым разнообразием деталей, но при этом общее единообразие и гармония этого дизайна поистине поражают; особенно это относится к сводам и галереям, а также к куполам, выполненным в виде медовых сот или глазури, со сталактитами и подвесками, которые поражают зрителя немыслимой замысловатостью своих узоров. Однако удивление проходит, когда обнаруживается, что все это — лепнина; пластины из парижского гипса, отлитые в формы и искусно соединённые таким образом, чтобы образовывались узоры любого размера и формы. Этот способ декорирования стен арабесками и лепнины сводов в виде гротов был изобретён в Дамаске, но значительно усовершенствован маврами в Марокко, которым сарацинская архитектура обязана своими самыми изящными и причудливыми деталями. Процесс, с помощью которого был создан весь этот волшебный узор, был гениально прост. Стена в чистом виде была разделена линиями, пересекающимися под прямым углом, такими, какие художники используют при копировании картин; поверх них были последовательно нарисованы пересекающиеся сегменты окружностей. С их помощью художники могли работать быстро и уверенно, и из простого пересечения прямых и изогнутых линий возникало бесконечное разнообразие узоров и общая однородность и организованность их. В лепнине, особенно на куполах, было использовано много позолоты, а промежутки были изящно обведены яркими красками, такими как киноварь и ляпис-лазурь, и нанесены яичным белком. По словам Форда, египтяне, греки и арабы в ранний период развития искусства использовали только прямые цвета; и они преобладают в Альгамбре, когда художник был арабом или мавританцем. Удивительно, как много от их первоначального блеска сохраняется по прошествии нескольких столетий. Нижняя часть стен в салунах, высотой в несколько футов, инкрустирована глазурованной плиткой, соединённой подобно пластинам лепнины, образуя различные узоры. На некоторых из них изображены гербы мусульманских царей, украшенные лентой и девизом. Эти глазурованные плитки (азулахос по-испански, аз-зуладж по-арабски) имеют восточное происхождение; их прохлада, чистота и отсутствие паразитов делают их превосходно подходящими в знойном климате для облицовки залов и фонтанов, ванных комнат и облицовки стен помещений. Форд склонен придавать им большую древность. Исходя из преобладающих в них цветов, сапфирового и синего, он делает вывод, что они, возможно, служили своего рода мостовой, о которой говорится в Священном Писании:

«Под ногами его была как бы вымощенная плита из сапфирового камня» (Исх. xxiv. 10); и еще: «Вот, Я выложу камни твои прекрасными красками и выложу основания твои сапфирами» (Исаия, liv. 11).

Эти глазурованные или фарфоровые плитки были завезены в Испанию мусульманами в незапамятные времена. Некоторые из них можно увидеть среди мавританских руин, которым более восьми столетий. На полуострове до сих пор существует их производство, и они широко используются в лучших испанских домах, особенно в южных провинциях, для мощения и облицовки летних квартир. Испанцы завезли их в Нидерланды, когда они уже владели этой страной. Жители Голландии с энтузиазмом восприняли их, поскольку они прекрасно соответствовали их страсти к чистоте в доме; и, таким образом, эти восточные изобретения, азулахос испанцев и аз-зуладж арабов, стали широко известны как голландская плитка.

ВАЖНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ АВТОР НАСЛЕДУЕТ ТРОН БОАБДИЛА

Почти весь день прошёл, прежде чем мы смогли оторваться от этого края поэзии и романтики, спуститься в город и вернуться к унылым реалиям испанской усадьбы. Во время торжественного визита к губернатору Альгамбры, которому мы привезли рекомендательные письма, мы с энтузиазмом рассказали о сценах, свидетелями которых стали, и не могли не выразить удивления по поводу того, что он живёт в городе, когда в его распоряжении такой райский уголок. Он сослался на неудобство проживания во дворце из-за его расположения на вершине холма, вдали от деловых центров и мест общественного общения. Это было очень удобно для монархов, которым часто требовались крепостные стены для защиты от собственных подданных.»

— Но, сеньоры, — добавил он, улыбаясь, — если вы считаете, что жить там так уж желательно, мои апартаменты в Альгамбре к вашим услугам! Обычный и почти обязательный элемент вежливости для испанца — сказать вам, что его дом принадлежит вам. — «Это дом на время пребывания в вашем распоряжении». — «Этот дом всегда в распоряжении вашей светлости». На самом деле, всё, что вызывает у вас восхищение, сразу же предлагается вам. С вашей стороны также является признаком хорошего тона не принимать это; поэтому мы просто поклонились в знак благодарности за любезность губернатора, предложившего нам королевский дворец. Однако мы ошиблись. Губернатор был настроен серьёзно.

— Вы увидите множество пустых комнат без мебели», — сказал он; — но Тиа Антония, которая отвечает за дворец, возможно, сумеет привести их в порядок и позаботиться о вас, пока вы там будете. Если вы сможете договориться с ней о вашем размещении и будете довольны скудной пищей в королевском жилище, дворец короля Чико к вашим услугам.

Мы поверили губернатору на слово и поспешили вверх по крутой улице Калле — делос-Гомерес, через Большие ворота Правосудия, на переговоры с дамой Антонией, временами сомневаясь, не сон ли это, а временами опасаясь, что мудрая дуэнья крепости не спешит капитулировать. Мы знали, что у нас есть по крайней мере один друг в гарнизоне, который будет к нам благосклонен, — ясноглазая маленькая Долорес, чьё расположение мы снискали во время нашего первого визита, и она приветствовала наше возвращение во дворец своей самой яркой внешностью. Однако всё прошло гладко. Добрая Тиа Антония расставила в комнатах кое-какую мебель, но самую обычную. Мы заверили её, что можем расположиться на полу. Она могла накрыть на наш стол, но только по — своему, простым способом, — мы и не желали ничего лучшего. Её племянница Долорес прислуживала нам, и, услышав это слово, мы подняли шляпы, и сделка была заключена. Уже на следующий день мы поселились во дворце, и никогда ещё монархи не делили разделённый трон в такой совершенной гармонии. Несколько дней пролетели как во сне, когда мой достойный коллега, вызванный в Мадрид по дипломатическим делам, был вынужден отречься от престола, оставив меня единственным монархом в этом тёмном царстве. Что касается меня, то, будучи в некотором роде случайным бродягой по миру, склонным задерживаться в его приятных местах, я изо дня в день страдал от того, что ускользал незамеченным, околдованный, насколько я знаю, в этом старом заколдованном доме. Всегда питая дружеские чувства к моему читателю и будучи склонным поддерживать с ним доверительные отношения, я возьму за правило делиться с ним своими мечтаниями и исследованиями в этом состоянии восхитительного рабства. Если они способны пробудить в его воображении хоть какое-то колдовское очарование того или иного места, он не будет жаловаться, если задержится со мной на какое-то время в легендарных залах Альгамбры.

И сначала следует дать ему некоторое представление о моём домашнем устройстве: оно довольно простое для обитателя королевского дворца; но я надеюсь, что оно будет менее подвержено катастрофическим последствиям, чем у моих царственных предшественников. Мои апартаменты находятся в одном конце губернаторских апартаментов, анфиладе пустых комнат, напротив дворца, с видом на большую эспланаду, называемую пласа-де-лос-альгибес (место цистерн); апартаменты современные, но противоположный от моей спальни конец выходит на террасу, рядом несколько маленьких комнатушек, частично в мавританском, частично в испанском стиле, отведённых хозяйке замка Донья Антония и её семье.

Чтобы поддерживать порядок во дворце, почтенной даме предоставляются все привилегии, которые она получает от посетителей, и вся продукция, выращиваемая в садах; за исключением того, что от неё время от времени ожидают подарков в виде фруктов и цветов губернатору. Её семья состоит из племянника и племянницы, детей двух разных братьев. Племянник, Мануэль Молина, — молодой человек с безупречной репутацией и испанским происхождением. Он служил в армии, как в Испании, так и в Вест-Индии, но сейчас изучает медицину в надежде когда-нибудь стать врачом в крепости, а эта должность стоит по меньшей мере сто сорок долларов в год. Племянница — уже упомянутая пухленькая черноглазая Долорес, как говорят, однажды унаследует всё имущество своей тёти, состоящее из нескольких небольших доходных домов в крепости, правда, находящихся в несколько запущенном состоянии, но которые, как меня лично заверил Матео Хименес, приносят доход почти в сто пятьдесят долларов в год; так что она в глазах оборванного Сына Альгамбры неплохая наследница. Тот же наблюдательный и искренний человек также сообщил мне, что между сдержанным Мануэлем и его ясноглазой кухней происходит тихое ухаживание, и что для того, чтобы они могли соединить свои руки и надежды, не требуется ничего, кроме его докторского диплома и разрешения папы Римского на их брак. Добрая госпожа Антония добросовестно выполняла свой контракт, касавшийся моего питания и ночлега, и, поскольку мне было легко угодить, я нашёл свою еду превосходной, а весёлая маленькая Долорес поддерживала порядок в моей квартире и исполняла обязанности служанки во время трапезы. В моём распоряжении был также высокий, заикающийся, светловолосый парень по имени Пепе, который работал в саду и с удовольствием послужил бы камердинером; но в этом его опередил Матео Хименес, «Сын Альгамбры». Этот бдительный и назойливый человечек умудрился, так или иначе, не отходить от меня с тех пор, как я впервые встретил его у внешних ворот крепости, и вплёлся во все мои планы, пока не стал моим камердинером, чичероне, проводником, охранником и оруженосцем-историографом; и я был вынужден улучшать состояние его гардероба, чтобы он не позорил свои придворные обязанности; так что он сбросил свой старый коричневый плащ, как змея сбрасывает кожу, и теперь появлялся в крепости в элегантной андалузской шляпе и куртке, к своему бесконечному удовольствию и великому изумлению своих товарищей. Главный недостаток честного Матео — это чрезмерное стремление быть полезным. Сознывая, что он навязался ко мне на службу и что мои простые и спокойные привычки превращают его положение в синекуру, он изо всех сил пытался найти способы повысить свою значимость для моего благополучия. Я был в некотором роде жертвой его назойливости; Я не мог переступить порог дворца, чтобы прогуляться по крепости, ибо он был всегда рядом, чтобы объяснить мне всё, что я вижу; и если я решался прогуляться по окрестным холмам, он настаивал на том, чтобы сопровождать меня в качестве охранника, хотя я сильно подозревал, что он был бы более подходящим человеком в ином статусе, ибо пости наверняка стал бы полагаться на длину своих ног, а не на силу своих рук, в случае нападения. В конце концов, бедняга временами оказывался забавным собеседником; он был простодушен и бесконечно добродушен, словоохотлив и сплетничал, как деревенский цирюльник, и знает все светские разговоры этого места и его окрестностей; но чем он больше всего дорожил, так это своим запасом местной информации, а лучше сказать — сплетен, у него не залеживались самые удивительные истории, которые он мог рассказывать о каждой

башне, подземелье и ворота крепости, и всем этим он безоговорочно верил. Большинство из этих историй он унаследовал, по его собственным словам, от своего деда, маленького легендарного портного, который дожил почти до ста лет, совершив за всю свою жизнь всего два выхода за пределы крепости. Его шлюп на протяжении большей части столетия был пристанищем почтенных сплетников, где они проводили полночи, беседуя о старых временах, удивительных событиях и скрытых тайнах этих очарованных мест. Таким образом, вся жизнь, движения, мысли и поступки этого исторического портного были ограничены стенами Альгамбры; в них он родился, в них он жил, дышал и осуществлял свои передвижения, в них он умер и был похоронен. К счастью для потомков, его традиционные знания умерли не вместе с ним.

Настоящий Матео, когда был мальчишкой, был внимательным слушателем рассказов своего деда и компании сплетников, собравшихся вокруг, и, таким образом, обладает запасом ценных знаний об Альгамбре, которые невозможно найти в книгах, и которые вполне достойны внимания любого любознательного человека- путешественника.

Таковы особы, составляющие мой королевский двор; и я сомневаюсь, что кому-либо из властителей, мусульман или христиан, которые были во дворце до меня, прислуживали с большей преданностью или пользовались меньшим влиянием. Когда я встаю утром, Пепе, заикающийся паренёк из садов, приносит мне букет свежесорванных цветов, которые затем расставляются по вазам умелой рукой Долорес, которая по-женски гордится убранством моих покоев. Я готовлю блюда по своему усмотрению; иногда в одном из мавританских залов, иногда под аркадами Львиного двора, в окружении цветов и фонтанов. А когда я выхожу, усердный Матео проводит меня по самым романтическим горным уголкам и восхитительным тропинкам соседних долин, и ни один из таких походов не является исключением, чтобы не стать сценой из какой-то чудесной сказки. Хотя я и люблю проводить большую часть дня в одиночестве, всё же иногда по вечерам я отправляюсь в маленький домашний кружок доньи Антонии.

Обычно это происходит в старинной мавританской комнате, которая служит доброй даме гостиной, кухней и залом для аудиенций и которая, должно быть, во времена мавров, могла похвастаться некоторым великолепием, если судить по сохранившимся следам былой красоты, и всё бы было хорошо, если бы грубый камин не был сооружён в наше время в одном углу. Дым от него обесцветил стены и почти стёр древние арабески.

Окно с балконом, нависающим над долиной Дарро, выпускает прохладный вечерний бриз; и здесь я съедаю свой скромный ужин из фруктов и молока и присоединяюсь к семейному разговору. У испанцев есть природный талант, или, как его ещё называют, «материнский ум», который делает их интеллектуальными и приятными собеседниками, независимо от их положения в жизни или от того, насколько несовершенным было их образование; добавим к этому, что они никогда не бывают вульгарными; природа наделила их врождённым чувством юмора, как и достоинством духа. Добрая Тиа Антония — женщина с сильным и умным, хотя и неразвитым умом; а ясноглазая Долорес, хотя за всю свою жизнь она прочитала всего три или четыре книги, обладает очаровательной смесью наивности и здравого смысла и часто удивляет меня остротой своих бесхитростных высказываний.

Иногда племянник развлекает нас чтением какой-нибудь старой комедии Кальдерона или Лопе де Веги, к чему его, очевидно, побуждает желание совершенствоваться и развлекать свою кухню Долорес; хотя, к его великому огорчению, юная леди обычно засыпает ещё до окончания первого акта. Иногда у Тиа Антонии собирается небольшая компания скромных друзей — иждивенцев, жителей соседней деревушки или жён солдат-инвалидов. Они относятся к ней с большим почтением, как к хранительнице дворца, и оказывают ей знаки внимания, рассказывая новости или слухи, которые, возможно, дошли из Гранады. Слушая эти вечерние сплетни, я узнал много любопытного, свидетельствующего о нравах людей и особенностях этого места. Это простые разговоры о простых удовольствиях; только природа этого места придаёт им интерес и значимость.

Я ступаю по земле, населённой призраками, и меня окружают романтические ассоциации. С самого раннего детства, когда на берегах Гудзона я впервые углубился в страницы апокрифической, но рыцарской истории гражданских войн в Гранаде и междоусобиц её доблестных кавалеров, Зегри и Абенсеррахов, этот город всегда был предметом моего внимания, вызывая причудливые сны; и часто в своих фантазиях я бродил по романтическим залам Альгамбры. В кои-то веки сбылась моя мечта наяву; и все же я с трудом могу поверить своим ощущениям или в то, что я действительно живу во дворце Боабдила и смотрю с его балконов на рыцарскую Гранаду. Когда я прохаживаюсь по этим восточным залам и слышу журчание фонтанов и пение соловья, когда я вдыхаю аромат роз и ощущаю влияние мягкого климата, я почти готов вообразить, что нахожусь в раю Магомета и что пухленькая маленькая Долорес — одна из них, этих ясноглазых гурий, которым суждено служить счастьем для истинно верующих.

ОБИТАТЕЛИ АЛЬГАМБРЫ

Я часто замечал, что чем величественнее выглядел особняк в дни его процветания, тем скромнее становились его обитатели в дни его упадка, и что королевский дворец со временем обычно превращается в пристанище нищеты. Альгамбра находится в состоянии стремительного аналогичного перехода. Всякий раз, когда башня приходит в упадок, её захватывает какая-нибудь нищенская семья, которая вместе с летучими мышами и совами становится совладельцами её позолоченных залов и вывешивает свои лохмотья, эти эталоны бедности, из её окон, бойниц и балконов. Я позабыл себя, упомянув о некоторых разношёрстных персонажах, которые таким образом узурпировали древнюю обитель королевской власти и которые, похоже, помещены сюда, чтобы дать фарсовое завершение драме человеческой гордыни.

Один из них даже носит насмешливый королевский титул. Это маленькая старушка по имени Мария Антония Сабонеа, которую все называют *la Reyna Coquina*, или Королева Ракушек. Она достаточно мала, чтобы быть феей; и, насколько я могу судить, она может быть феей, потому что, похоже, никто не знает о её происхождении. Её жилище находится в чем-то вроде чулана под внешней лестницей дворца, и она сидит в прохладном каменном коридоре, орудуя иголкой и распевая с утра до вечера, готовая пошутить над каждым прохожим; ибо, хотя она и одна из самых бедных, она одна из самых весёлых маленьких женщин и у неё лёгкий, общительный дух. Её великое достоинство — дар рассказчика историй, и я искренне верю, что в её распоряжении столько же историй, сколько у неистощимой Шахерезады из «Тысячи и Одной Ночи». Некоторых из них я слышал, когда она рассказывала их в «вечерних тертулах» госпожи Антонии, на которых она иногда скромно присутствовала. То, что у этой загадочной маленькой старушки должен был быть какой-то волшебный дар, следует из её необычайного везения, поскольку, несмотря на то, что она была очень маленькой, очень некрасивой и очень бедной, у неё было, по её собственным словам, пять с половиной мужей, считая молодого драгуна, который умер во время ухаживания. Соперничающий персонаж этой маленькой королевы фей — дородный старик с носом-горбинкой, который ходит в поношенной одежде, в треуголке из клеенчатой кожи и с красной кокардой. Он является одним из законных сыновей Альгамбры и прожил здесь всю свою жизнь, занимая различные должности, такие как заместитель альгвасила, пономарь приходской церкви и маркер площадки для игры в *файвс*, расположенной у подножия одной из башен. Он беден, как церковная крыса, но столь же горделив, как и оборван, и постоянно хвастается своим происхождением из знаменитого дома Агилар, из которого происходил Гонсалво Кордовский, великий капитан. Более того, на самом деле он носит имя Алонсо де Агилар, столь известное в истории Завоевания; хотя безбожные остряки из крепости присвоили ему титул эль падре санто, или святой отец, обычное обращение к папе римскому, которое я считал слишком священным в глазах истинных католиков, чтобы применять его таким нелепым образом.

Это причудливый каприз судьбы — представить в гротескном образе этого оборванца, как тёзку и потомка гордого Алонсо де Агилара, олицетворения андалузского рыцарства, ведущего почти нищенское существование в этой некогда надменной крепости, разрушить которую помог его предок, и всё же такова была бы участь потомков Агамемнона и Ахилла, задержись они у руин Трои!

Я считаю, что семья моего сквайра Матео Хименеса, любителя посплетничать, составляет очень важную часть этого пёстрого сообщества. Его хвастовство тем, что он сын Альгамбры, небезосновательно. Его семья жила в крепости со времен Завоевания, передавая бедность по наследству от отца к сыну; никто из них, как известно, никогда не стоил и мараведи. Его отцу, по профессии ткачу лент, сменившему знаменитого портного на посту главы семьи, сейчас около семидесяти лет, и он живёт в лачуге из тростника и гипса, построенной собствен-

ными руками, прямо над железными воротами. Мебель состоит из громоздкой кровати, стола и двух-трёх стульев; деревянного сундука, в котором, помимо его скудной одежды, хранятся «семейные архивы». Это не что иное, как документы по различным судебным тяжбам, которые вели разные поколения; из чего может показаться, что, несмотря на всю их кажущуюся беспечность и добродушие, они являются любителями посутяжничать вплепорию. Большинство исков было подано против сплетничающих соседей за то, что они сомневались в чистоте их крови и отрицали, что они являются христианами, то есть старыми христианами, не имеющими еврейского или мавританского происхождения. На самом деле, я сомневаюсь, что именно из-за этой ревности к своей крови они были такими бедными: тратили все свои заработки на эскрибано и альгвасилов. Гордостью лачуги является висящий на стене гербовый щит, на котором изображены четвертушки герба маркиза Кайседо и различных других знатных домов, с которыми этот обнищавший род заявляет о своем родстве. Что касается самого Матео, которому сейчас около тридцати пяти лет, то он сделал всё возможное, чтобы увековечить свой род и продолжить нищету семьи, имея жену и многочисленное потомство, которые живут в почти разобранной лачуге в деревушке. Как они умудряются существовать, может сказать только тот, кто познал все тайны Вселенной; существование такой испанской семьи всегда остается для меня загадкой; и всё же они существуют и, более того, кажется, наслаждаются своим существованием. Жена совершает праздничную прогулку по Пасео Гранады с ребёнком на руках и полудюжиной детей, следующих за ней по пятам; а старшая дочь, которая уже почти повзрослела, украшает свои волосы цветами и весело танцует под звуки кастаньет. Есть два класса людей, которым жизнь кажется одним долгим праздником, — очень богатые и очень бедные; одни — потому что им ничего не нужно делать; другие — потому что им нечего делать; но нет никого, кто не понимал бы, что искусство ничего не делать и жить на пустом месте не лучше, чем жизнь бедных классов Испании. Климат делает половину, а темперамент — все остальное. Дайте испанцу тень летом и Солнце зимой, немного хлеба, чеснока, масла и одежды, старый коричневый плащ и гитару, и пусть мир катится своим чередом в Преисподнюю. Кстати, о бедности! С ней почти никто здесь не связывает ничего постыдного. Нищета сидит на нём с таким же великолепием, как и его потрепанный плащ. Он настоящий идальго, даже когда одет в лохмотья. «Сыны Альгамбры» — выдающаяся иллюстрация этой практической философии. Как мавры воображали, что небесный рай находится над этим излюбленным местом, так и я временами склонен думать, что отблеск золотого века всё ещё витает над этим бедным поселением. У них нет ничего, совсем ничего, они ничего не делают, ни о чём не заботятся. И всё же, хотя они, по-видимому, бездельничают всю неделю, они соблюдают все праздники и памятные даты не хуже самого трудолюбивого ремесленника. Они посещают все праздники и танцы в Гранаде и её окрестностях, разжигают костры на холмах в день Святого Валентина. В канун дня Святого Иоанна мы проводили вместе с ними долгие лунные ночи в танцах на небольшом поле в окрестностях крепости, где собирают урожай в несколько бушелей пшеницы.

Прежде чем закончить эти замечания, я должен упомянуть об одном из здешних развлечений, которое особенно поразило меня. Я неоднократно наблюдал высокого худощавого человека, сидевшего на вершине одной из башен и сматывавшего две или три удочки, как будто он ловил рыбу на звёзды. В течение некоторого времени я был озадачен эволюциями этого воздушного рыбака, и мое недоумение возросло, когда я увидел других, занятых тем же самым на разных частях зубчатых стен и бастионов; только посоветовавшись с Матео Хименесом, я разгадал тайну. Кажется, что чистое и воздушное расположение этой крепости превратило её, подобно замку Макбета, в обильное гнездовье ласточек и мартышек, которые мириадами резвятся вокруг её башен под праздничное ликование мальчишек, только что выпущенных из школы. Ловить этих птиц, когда они совершают свои головокружительные круги с помощью крючков, на которые насажены мухи, — одно из любимых развлечений оборванных «Сынов

Альгамбры», которые с изобретательностью отъявленных бездельников изобрели искусство рыбной ловли в небе.

ЗАЛ ПОСЛОВ

Во время одного из моих посещений старинного мавританского зала, где добрая Тиа Антония готовит обед и принимает гостей, я заметил в одном из углов таинственную дверь, ведущую, по-видимому, в древнюю часть здания. Пробудив любопытство, я открыл её и оказался в узком, глухом коридоре, пробираясь ощупью по которому я добрался до тёмной винтовой лестницы, ведущей вниз по углу башни Комарес. По этой лестнице я спустился в темноте, и двигаясь вдоль стены, добрался до маленькой двери внизу, и распахнув её, я внезапно был ослеплён, оказавшись в сверкающем вестибюле Зала Послов; передо мной сверкал фонтан двора Альберка. Прихожая отделена от внутреннего двора элегантной галереей, поддерживаемой тонкими колоннами с ажурными переплётами в стиле мориско. В каждом конце прихожей есть ниши, а потолок богато украшен лепниной и росписью. Пройдя через великолепный портал, я оказался в знаменитом Зале Послов, зале аудиенций мусульманских монархов. Говорят, что его площадь составляет тридцать семь квадратных футов, а высота — шестьдесят футов; он занимает всю внутреннюю часть башни Комарес и всё ещё хранит следы былого великолепия. Стены красиво оштукатурены и украшены с причудливостью мориско; высокий потолок изначально был сделан из того же излюбленного ими материала, с обычной глазурью и перламутровыми орнаментами или сталактитами; и он, украшенный яркими красками и позолотой, должно быть, был великолепен до крайности. К сожалению, он обрушился во время землетрясения, и вместе с ним обрушилась огромная арка, пересекавшая зал. Его заменил нынешний свод или купол из лиственницы или кедра с перекрещивающимися рёбрами, весь в причудливой обработке и богатой раскраске, все еще восточный по своему характеру, напоминающий «те потолки из кедра и киновари, о которых мы читаем в пророках и «Тысяче и одной ночи». Из-за огромной высоты свода над окнами верхняя часть зала почти теряется во мраке, но в полумраке есть как великолепие, так и торжественность, поскольку сквозь него просвечивает богатая позолота и яркие оттенки мавританского карандаша. Королевский трон был установлен напротив входа в углублении, на котором до сих пор сохранилась надпись, указывающая на то, что Юсуф I (монарх, завершивший строительство Альгамбры) сделал его трон своей империи. Всё в этом благородном зале, кажется, было рассчитано на то, чтобы окружить трон впечатляющим достоинством и великолепием; здесь нет того элегантного сладострастия, которое царит в других частях дворца. Башня обладает огромной прочностью, она возвышается над всем зданием и нависает над крутым склоном холма.

С трёх сторон Зала послов в огромной толщине стен прорезаны окна, из которых открывается широкий обзор. С балкона центрального окна открывается уникальный вид на зелёную долину Дарро с её аллеями, рощами и садами. Слева от него открывается далекий вид на Вегу, в то время как прямо перед ним возвышается Альбайсин с его хитросплетением улиц, террас и садов, который когда-то был увенчан крепостью, соперничавшей по мощи с Альгамброй.

«Злополучен тот, кто потерял все это!» — воскликнул Карл V, глядя из этого окна на открывающийся перед ним чарующий пейзаж. Балкон у окна, с которого было произнесено это царственное восклицание, в последнее время стал одним из моих любимых мест отдыха. Я только что сидел там, наслаждаясь завершением долгого яркого дня. Солнце, опускаясь за пурпурные горы Альхамы, озарило долину Дарро потоком сияния, придавшего меланхолическую пышность красноватым башням Альгамбры; в то время как Вега, покрытая лёгким знойным паром, в котором отражались лучи заходящего Солнца, казалась раскинувшейся вдали как золотое море. Ни малейшее дуновение ветра не нарушало тишины этого часа, и хотя из садов Дарро время от времени доносились слабые звуки музыки и веселья, это лишь усиливало впечатление от монументальной тишины холма, нависшей надо мной. Это был один из тех часов и одна из тех сцен, когда память обретает почти магическую силу и, подобно

вечернему Солнцу, освещающему эти полуразрушенные башни, посылает свои ретроспективные лучи, чтобы осветить славу прошлого. Пока я сидел, наблюдая за тем, как угасающий дневной свет отражается на этом мавританском здании, я обратил внимание на лёгкий, элегантный и чувственный характер, преобладающий во всей его внутренней архитектуре, и на контраст с величественной, но мрачной торжественностью готических зданий, возведённых испанскими завоевателями. Таким образом, сама архитектура свидетельствует о противоположных и непримиримых характерах двух воинственных народов, которые так долго сражались здесь за господство над полуостровом. Постепенно я погрузился в размышления о необычных судьбах арабов или испанцев-морисков, все существование которых похоже на рассказанную историю и, несомненно, представляет собой один из самых необычных, но в то же время великолепных эпизодов в истории. Каким бы могущественным и долговечным ни было их владычество, мы даже не знаем, как их назвать. Это была нация без законной страны или названия. Отдалённая волна великого арабского наводнения, обрушившаяся на берега Европы, кажется, обладает всей мощью первого порыва бурного потока. Их завоевательный путь от Гибралтарской скалы до Пиренейских утёсов был таким же быстрым и блестящим, как победы мусульман в Сирии и Египте. Более того, если бы они не были остановлены на равнинах Тура, вся Франция, вся Европа могли бы быть захвачены с той же лёгкостью, что и восточные империи, и Полумесяц в наши дни сверкал бы на фасадах Парижа и Лондона. Отброшенные в пределы Пиренеев, смешанные орды из Азии и Африки, которые образовали это великое вторжение, отказались от мусульманского принципа завоевания и попытались установить в Испании мирное и постоянное господство. Как завоеватели, они проявляли героизм, сравнимый только с их умеренностью; и в том, и в другом на какое-то время они превзошли народы, с которыми сражались. Оторванные от своих родных очагов, они любили землю, дарованную им, как они полагали, Аллахом, и стремились украсить её всем, что могло бы способствовать покою и счастью человека. Заложив основы своего могущества в системе мудрых и справедливых законов, усердно развивая искусства и науки, содействуя развитию сельского хозяйства, мануфактур и торговли, они постепенно образовали империю, не имевшую равных по своему процветанию ни в одной из империй христианского мира, и старательно приносили в свою жизнь те достоинства и утончённость, которые были характерны для первой мировой войны. Арабская империя на Востоке, во времена расцвета своей величайшей цивилизации, распространяла свет восточных знаний по западным регионам Европы, погруженным во мрак.

Города арабской Испании стали прибежищем христианских ремесленников, которые обучались полезным искусствам. Бледнолицые студенты из других стран стремились в университеты Толедо, Кордовы, Севильи и Гранады, чтобы познакомиться с науками арабов и драгоценными преданиями древности; любители весёлой науки направлялись в Кордову и Гранаду, чтобы приобщиться к поэзии и музыке Востока, а также в другие города. Закованные в сталь воины Севера поспешили туда, чтобы проявить себя в изящных упражнениях и учтивых обычаях рыцарства. Если на мусульманских памятниках Испании, таких как мечеть в Кордове, Севильский Алькасар и Гранадская Альгамбра, до сих пор сохранились надписи, в которых с любовью говорится о могуществе и незыблемости их владычества, можно ли считать это высокомерным, тщеславным хвастовством? Поколение за поколением, столетие за столетием уходило из жизни, а они всё ещё сохраняли власть над этой землёй. Прошло больше времени, чем с тех пор, как Англия была покорена норманнским завоевателем, и потомки Мусы и Тарика могли ожидать, что их отправят в изгнание через те же проливы, через которые прошли их победоносные предки, так же мало, как потомки Ролло и Вильгельма и их сверстники-ветераны могут только фантазировать том, чтобы их оттеснили обратно к берегам Нормандии. Однако, несмотря на всё это, мусульманская империя в Испании была всего лишь блестящей экзотикой, которая не пустила постоянных корней в почву, которую она украшала. Отрезанные от всех своих соседей на Западе непреодолимыми религиозными и нравственными барьерами,

отделённые морями и пустынями от своих восточных сородичей, мориско-испанцы были изолированным народом. Все их существование было длительной, хотя и доблестной и рыцарской борьбой за закрепление на захваченной земле. Они были форпостами и границами исламизма. Полуостров был великим полем битвы, где готы-завоеватели Севера и мусульмане-завоеватели Востока встретились и боролись за господство; и пламенная отвага арабов в конце концов была подавлена упрямой и фанатичной силой готов. Никогда ещё ни один народ не подвергался такому полному уничтожению, как мориско-испанцы. Где они? Спросите о берегах Берберии и её пустынных отрогах.

Изгнанные остатки некогда могущественной империи растворились среди африканских варваров и перестали быть нацией. Они даже не оставили после себя чёткого названия, хотя на протяжении почти восьми столетий были самостоятельным народом. Страна, которая их усыновила и где они жили веками, отказывается признавать их иначе, как захватчиками и узурпаторами. Несколько разрушенных и безгласых памятников — это всё, что осталось, чтобы свидетельствовать об их могуществе и владычестве, подобно тому как одинокие скалы, оставшиеся далеко в глубине страны, свидетельствуют о масштабах какого-то обширного наводнения. Такова Альгамбра — мусульманское сооружение посреди христианской пустыни; восточный дворец среди готических зданий Запада; элегантное напоминание о храбром, умном и грациозном народе, который завоевывал, правил, процветал и исчез из жизни.

БИБЛИОТЕКА ИЕЗУИТОВ

С тех пор как я погрузился в вышеприведённые размышления, во мне пробудилось любопытство узнать что — нибудь о князьях, оставивших после себя этот памятник восточного вкуса и великолепия, чьи имена до сих пор встречаются среди надписей на его стенах. Чтобы удовлетворить это любопытство, я спустился из этой области фантазий и небылиц, где всё может принять характер беспочвенной фантазии, и провёл свои исследования среди пыльных томов старой иезуитской библиотеки в университете. Это некогда гордое хранилище эрудиции теперь стало лишь тенью своего прежнего облика, поскольку французы, когда они были хозяевами Гранады, лишили его рукописей и редчайших произведений; тем не менее, среди множества увесистых томов отцов-иезуитов, которые французы предусмотрительно оставили, в нём хранится несколько любопытных трактатов об Испанской литературе и, прежде всего, ряд старинных хроник в пергаментных переплётах, к которым я испытываю особое почтение. В этой старинной библиотеке я провёл много восхитительных часов в тихих, ничем не потревоженных литературных поисках; мне любезно доверили ключи от дверей и книжных шкафов, и я был предоставлен самому себе, чтобы рыться в них сколь угодно долго — редкое удовольствие в этих святилищах науки, которые слишком часто мучают жаждущих студентов с видом запечатанного источника знаний. В ходе этих посещений я собрал множество фактов, касающихся исторических личностей, связанных с Альгамброй, некоторые из которых я привожу здесь, надеясь, что они окажутся приемлемыми для читателя.

АЛЬХАМАР, ОСНОВАТЕЛЬ АЛЬГАМБРЫ

МАВРЫ Гранады считали Альгамбру чудом искусства, и существовало предание, что король, основавший её, занимался магией или, по крайней мере, алхимией, с помощью которой он добыл огромные суммы золота, потраченные на её возведение. Краткий обзор его правления раскроет секрет его богатства. В арабской истории он известен как Мухаммед Ибн-ль-Ахмар, но обычно его имя пишется просто Альхамар и было дано ему, как нам говорят, из-за его румяного цвета лица.

Он происходил из знатного и богатого рода Бени Насар, или племени Назаров, и родился в Арджоне в 592 году Хиджры (1195 год н.э.). Как нам говорят, при его рождении астрологи составили его гороскоп в соответствии с восточным обычаем и объявили его в высшей степени благоприятным, а некий сантон предсказал ему блестящую карьеру. Его кружение не жалело средств, чтобы подготовить его к предсказанному высокому предназначению. Ещё до того, как он достиг зрелости, знаменитая битва при Навас (или равнинах) Толосы разрушила мавританскую империю и в конечном счёте отделила мусульман Испании от мусульман Африки. Вскоре среди первых возникли группировки, возглавляемые воинственными вождями, стремившимися захватить суверенитет полуострова. Альхамар был вовлечён в эти войны; он был генералом и предводителем племени Бени Насар и, как таковой, противостоял честолюбивым планам Абен Худа, который поднял своё знамя среди воинственных гор Альпухарас и был провозглашён королем Мурсии и Гранады. Между этими враждующими вождями произошло много конфликтов; Альхамар лишил своего соперника нескольких важных владений и был провозглашен своими солдатами королем Хаэна; но он стремился к владычеству над всей Андалусией, поскольку отличался жизнерадостным духом и высокими амбициями. Его доблесть и великодушные шли рука об руку; то, что он приобретал одним, он приобретал другим; и после смерти Абен Худа (1238 г. н.э.) он стал правителем всех территорий, которые были верны этому могущественному вождю. В том же году он официально вступил в Гранаду под восторженные крики толпы, которая приветствовала его как единственного, способного объединить различные господствующие группировки, угрожавшие отдать империю на милость христианских князей.

Альхамар основал свой двор в Гранаде; он был первым из прославленного рода Насаров, из тех, кто взойшёл на трон. Он немедленно принял меры, чтобы подготовить своё маленькое королевство к нападениям со стороны соседей-христиан, отремонтировав и укрепив пограничные посты и укрепив столицу. Не довольствуясь положениями мусульманского закона, согласно которому каждый человек становится солдатом, он собрал регулярную армию для размещения гарнизонов в своих крепостях, предоставив каждому солдату, находящемуся на границе, участок земли для содержания его самого, его лошади и его семьи, что заинтересовало его в обороне земли, на которой у него была собственность. Эти мудрые меры предосторожности были оправданы событиями. Христиане, воспользовавшись распадом мусульманской державы, быстро возвращали себе свои древние территории. Джеймс Завоеватель подчинил себе всю Валенсию, а Фердинанд Святой лично занял Хаэн, оплот Гранады. Альхамар отважился выступить против него в открытом поле, но потерпел сокрушительное поражение и в смятении отступил в свою столицу. Хаэн всё ещё держался и всю зиму сдерживал натиск врага, но Фердинанд поклялся не разбивать лагерь, пока не овладеет этим местом. Альгамар счёл невозможным перебросить подкрепления в осаждённый город; он понимал, что за его падением должно последовать вложение его капитала, и сознавал недостаточность своих средств, чтобы справиться с могущественным правителем Кастилии. Приняв внезапное решение, он тайно отправился в лагерь христиан, неожиданно предстал перед королём Фердинандом и открыто объявил себя королём Гранады.

«Я пришел, — сказал он, — полагаясь на вашу добрую волю, чтобы отдать себя под вашу защиту. Возьми все, чем я владею, и прими меня как своего вассала»; с этими словами он опустился на колени и поцеловал руку короля в знак верности.

Фердинанд был покорен этим проявлением искренней веры и решил не уступать в великодушии. Он поднял своего бывшего врага с земли, обнял его как друга и, отказавшись от предложенных им богатств, оставил его сувереном своих владений, обязанным выплачивать ежегодную дань, присутствовать в Кортесах в качестве одного из представителей знати империи и участвовать в войне с предоставлением определенного числа всадников в армию. Более того, он удостоил его чести быть посвященным в рыцари и собственноручно вооружил его. Вскоре после этого Альхамар был призван на военную службу, чтобы помочь королю Фердинанду в его знаменитой осаде Севильи. Мавританский король выступил в поход с пятью сотнями отборных всадников Гранады, лучше которых никто в мире не умел управлять конем или владеть копьем. Однако это была унижительная служба, поскольку им пришлось поднять меч против своих братьев по вере. Альгамар снискал печальную славу своей доблестью в этом знаменитом завоевании, но ещё большую честь — гуманностью, которую он убедил Фердинанда привнести в военные обычаи. Когда в 1248 году знаменитый город Севилья сдался кастильскому монарху, Альхамар, печальный и озабоченный, вернулся в свои владения. Он увидел надвигающиеся беды, угрожавшие мусульманскому делу; и произнес фразу, которую часто произносил в минуты тревоги и огорчения: «Какой стеснённой и жалкой была бы наша жизнь, если бы наша надежда не была такой обширной». «Что за жестокая и несчастная „Новая жизнь“, китайское пламя расширяет границы новой эсперансы!»

На обратном пути, приближаясь к Гранаде, он увидел триумфальные арки, воздвигнутые в честь его военных подвигов. Люди толпами выходили посмотреть на него с нетерпеливой радостью, ибо его милосердное правление покорило все сердца. Где бы он ни проходил, его приветствовали как «Эль Галиба!» (завоеватель). Услышав это прозвище, Альхамар печально покачал головой. «Ва ле галиб иль Аллах!» (нет победителя, кроме Бога) воскликнул он. С тех пор это восклицание стало его девизом и девизом его потомков и по сей день красуется на его гербах в залах Альгамбры.

Альгамар купил мир, подчинившись христианскому игу; но он сознавал, что при столь противоречивых элементах и столь глубоких и древних мотивах вражды это не могло быть постоянным. Действуя, таким образом, в соответствии со старым правилом «Вооружайся в мирное время и одевайся летом», он воспользовался нынешним периодом спокойствия, укрепив свои владения, пополнив свои арсеналы и развив те полезные искусства, которые дают богатство и реальную власть. Он доверил управление своими городами тем, кто отличался доблестью и благоразумием и кто казался наиболее приемлемым для народа. Он организовал бдительную полицию и установил жесткие правила отправления правосудия. К нему всегда были готовы прийти бедные и попавшие в бедственное положение, и он лично оказывал им помощь и возмещал ущерб.

Он строил больницы для слепых, престарелых, немощных и всех нетрудоспособных и часто посещал их; не в установленные дни, с пышностью и соблюдением формальностей, чтобы дать время привести всё в порядок и скрыть каждое злоупотребление, но внезапно и неожиданно, путем непосредственного наблюдения и тщательного расспроса, узнавая о лечении больных и поведении тех, кому поручено вести их лечение. Он основал школы и колледжи, которые посещал таким же образом, лично следя за обучением молодёжи. Он основал мясные лавки и общественные печи, чтобы люди могли получать полезные продукты по справедливым ценам. Он ввёл в город обильные потоки воды, соорудив бани и фонтаны, а также акведуки и каналы для орошения и удобрения Вегги. Благодаря этому в этом прекрасном городе царили процветание и изобилие; у его ворот кипела торговля, а склады были забиты предметами роскоши и товарами из всех стран мира. Кроме того, он раздавал премии и привилегии лучшим

ремесленникам, улучшал породу лошадей и других домашних животных, поощрял земледелие и благодаря своему покровительству вдвое увеличил естественное плодородие почвы, превратив прекрасные долины своего королевства в цветущие сады. Он также способствовал выращиванию и изготовлению шёлка, пока ткацкие станки Гранады не превосходили даже сирийские по тонкости и красоте изготовления. Кроме того, он распорядился тщательно разрабатывать месторождения золота, серебра и других металлов, найденные в горных районах его владений, и был первым королём Гранады, который чеканил монеты из золота и серебра со своим именем, уделяя большое внимание тому, чтобы монеты были искусно отчеканены. Примерно в середине XIII века, сразу после своего возвращения из осады Севильи, он приступил к строительству великолепного дворца Альгамбра, лично наблюдая за его возведением, часто общаясь с художниками и рабочими и руководя их работой. Несмотря на то, что он был великолепен в своих трудах и велик в своих начинаниях, он был прост в общении и умерен в своих удовольствиях. Его одежда была не просто лишена пышности, но и настолько проста, что не отличала его от его подданных. В его гареме было всего несколько красавиц, да и тех он посещал редко, хотя развлекал их с большой пышностью. Его жёны были дочерьми самых знатных людей, и он относился к ним как к друзьям и разумным компаньонкам. Более того, ему удалось заставить их жить в дружбе друг с другом. Большую часть времени он проводил в своих садах; особенно в тех, что были в Альгамбре, где он хранил самые редкие растения и самые красивые и ароматные цветы. Здесь он получал удовольствие от чтения исторических книг или от того, что сам заставлял их читать и пересказывать ему, а иногда, в свободные минуты, занимался обучением своих трёх сыновей, для которых он подобрал самых ученых и добродетельных учителей. Поскольку он откровенно и добровольно предложил себя в вассалы Фердинанду, он всегда оставался верен своему слову, неоднократно доказывая ему свою верность и привязанность. Когда этот прославленный монарх скончался в Севилье в 1254 году, Альхамар отправил послов выразить соболезнования его преемнику Алонсо X., а с ними и галантную свиту из ста мавританских кавалеров высокого ранга, которые должны были сопровождать королевские носилки во время траурных церемоний, каждый из которых нёс зажженную свечу. Это грандиозное свидетельство уважения повторялось мусульманским монархом до конца его жизни в каждую годовщину смерти короля Фердинанда Святого, когда сотня мавританских рыцарей отправлялась из Гранады в Севилью и с зажженными свечами занимала свои посты в центре роскошного собора вокруг кенотафа прославленного монарха. умерший. Альхамар сохранил свои способности и энергию до глубокой старости. На семьдесят девятом году жизни (1272 г. н.э.) он выехал на поле боя верхом в сопровождении лучших рыцарей, чтобы отразить вторжение на свои территории. Когда армия выступила из Гранады, один из главных адалидов, или проводников, ехавший впереди, случайно сломал свое копьё об арку ворот. Советники короля, встревоженные этим обстоятельством, которое сочли дурным предзнаменованием, умоляли его вернуться. Их мольбы были напрасны. Король настаивал, и в полдень предзнаменование, как утверждают мавританские хронисты, сбылось.

Альхамар внезапно заболел и чуть не упал с лошади. Его положили на носилки и повезли обратно в Гранаду, но его болезнь обострилась до такой степени, что пришлось разбить палатку в Веге. Его врачи были в ужасе, не зная, какое лекарство прописать. Через несколько часов он умер, изрыгая кровь и корчась в жестоких конвульсиях. Кастильский принц дон Филипп, брат Алонсо X., был рядом с ним, когда он скончался. Его тело было забальзамировано, заключено в серебряный гроб и похоронено в Альгамбре в усыпальнице из драгоценного мрамора под искренние причитания его подданных, которые оплакивали его как отца.

Я уже говорил, что он был первым из прославленного рода Назаров, кто взошёл на трон. Я могу добавить, что он был основателем блестящего королевства, которое навсегда войдёт в историю и романтику как последнее место сосредоточения мусульманской власти и великолепия на полуострове. Хотя его предприятия были обширны, а расходы огромны, его казна

всегда была полна; и это кажущееся противоречие породило историю о том, что он был сведущ в магическом искусстве и владел секретом превращения простых металлов в золото. Те, кто следил за его внутренней политикой, изложенной здесь, легко поймут природную магию и простую алхимию, благодаря которым его богатая казна переполнилась.

ЮСЕФ АБУЛЬ ХАГИГ ЗАВЕРШИТЕЛЬ СТРОИТЕЛЬСТВА АЛЬГАМБРЫ

К ВЫШЕУПОМЯНУТЫМ подробностям, касающимся мусульманских князей, которые когда-то правили в этих залах, я добавлю краткое описание монарха, достроившего и украсившего Альгамбру. Юсеф Абуль Хагиг (или, как его иногда называют, Хаксис) был ещё одним принцем из благородного рода Назаров. Он взошёл на трон Гранады в 1333 году от Рождества Христова, и мусульманские писатели описывают его как человека благородной наружности, обладающего большой физической силой и светлым цветом лица; говорят, что величие его облика возросло благодаря тому, что он позволил бороде отрасти до достойной длины и выкрасил ее в чёрный цвет. Его манеры были мягкими, приветливыми и вежливыми; он проявлял доброту своей натуры и на войне, запрещая всякую бессмысленную жестокость и призывая к милосердию и защите женщин и детей, престарелых и немощных, а также всех монахов и других лиц, ведущих святой и отшельнический образ жизни. Но хотя он обладал мужеством, свойственным благородным душам, склонностью его гения был скорее мир, чем война, и, хотя обстоятельства неоднократно вынуждали его братья за оружие, в целом ему не везло.

Среди других неудачных начинаний он предпринял крупную кампанию совместно с королем Марокко против королей Кастилии и Португалии, но потерпел поражение в памятной битве при Саладо, которая едва не нанесла смертельный удар по мусульманской власти в Испании. После этого поражения Юсеф добился длительного перемирия, и теперь его характер проявился во всем своем истинном блеске. У него была отличная память, и он был образован благодаря науке; его вкус был в целом элегантным и утончённым, и он считался лучшим поэтом своего времени. Посвятив себя обучению своего народа и улучшению его нравственности и манер, он основал школы во всех деревнях с простой и единообразной системой образования; он обязал каждую деревушку, насчитывавшую более двенадцати домов, иметь мечеть и очистил религиозные обряды, праздники и народные развлечения от различных злоупотреблений и непристойностей, которые в них вкрались.

Он бдительно следил за работой городской полиции, устанавливал ночную охрану и патрулирование и руководил всеми муниципальными делами. Его внимание было также направлено на завершение великих архитектурных работ, начатых его предшественниками, и возведение других по его собственным планам. Альгамбра, которая была основана добрым Альхамаром, теперь была достроена. Юсеф построил прекрасные ворота правосудия, ставшие парадным входом в крепость, которые он завершил в 1348 году. Он также украсил многие дворы и залы дворца, о чем свидетельствуют надписи на стенах, в которых неоднократно встречается его имя. Он также построил благородный Алькасар, или цитадель Малаги, ныне, к сожалению, представляющую собой лишь груду осыпающихся руин, но, скорее всего, обладающую в своем интерьере такой же элегантностью и великолепием, как и Альгамбра.

Гений монарха накладывает отпечаток на характер его времени. Гранадская знать, подражая элегантному вкусу Юсефа, вскоре заплонила город великолепными дворцами, залы которых были выложены мозаикой, стены и потолки украшены резьбой, а также изящной позолотой, раскрашены лазурью, киноварью и другими яркими цветами или искусно инкрустированы драгоценными камнями. кедром и другими ценными породами дерева, образцы которых сохранились во всем своём блеске по прошествии нескольких столетий. Во многих домах были фонтаны, которые выбрасывали струи воды, освежая и охлаждая воздух. У них также были высокие башни из дерева или камня, украшенные причудливой резьбой и орнаментом и покрытые металлическими пластинами, сверкавшими на Солнце. Таков был утончённый вкус в архитектуре, царивший среди этого элегантного народа, что, пользуясь прекрасным сравне-

нием арабского писателя, «Гранада во времена Юсуфа была похожа на серебряную вазу, наполненную изумрудами и гиацинтами».

Одного рассказа будет достаточно, чтобы показать великодушие этого доброго принца. Долгое перемирие, установившееся после битвы при Саладо, подошло к концу, и все попытки Юсефа продлить его были тщетны. Его смертельный враг Альфонсо XI, король Кастилии выступил в поход с большими силами и осадил Гибралтар. Юсеф неохотно взял в руки оружие и отправил войска на помощь городу. В разгар своего беспокойства он получил известие, что его страшный враг внезапно пал жертвой чумы. Вместо того чтобы выразить ликование по этому поводу, Юсеф вспомнил о великих качествах покойного и был тронут благородной печалью.

«Увы! — воскликнул он. — мир потерял одного из своих прекраснейших правителей, повелителя, который умел ценить заслуги, будь то у друга или врага!»

Сами испанские хронисты свидетельствуют об этом его великодушии. Согласно их рассказам, мавританские рыцари разделили чувства своего короля и объявили траур в связи со смертью Альфонсо. Даже жители Гибралтара, которые были так близко окружены, когда узнали, что враждебный монарх лежит мёртвый в своём лагере, решили между собой, что не следует предпринимать никаких враждебных действий против христиан. В тот день, когда лагерь был свернут и армия ушла, унося с собой труп Альфонсо, мавры толпами вышли из Гибралтара и стояли, безмолвные и печальные, наблюдая за этим скорбным зрелищем. Такое же почтение к усопшему проявляли все мавританские военачальники на границах, которые позволили похоронному кортежу пройти в целостности и сохранности, доставив тело христианского монарха из Гибралтара в Севилью.

Юсеф ненадолго пережил врага, о котором он так великодушно сожалел. Однажды в 1354 году, когда он молился в королевской мечети Альгамбры, какой-то маньяк внезапно набросился на него сзади и вонзил кинжал в бок. На крики короля к нему на помощь пришли его стражники и придворные. Они нашли его барахтающимся в крови. Он подавал какие-то знаки, как будто хотел что-то сказать, но его слов было не разобрать. Его без чувств отнесли в королевские покои, где он почти сразу скончался. Убийцу разрубили на куски, а его конечности публично сожгли, чтобы удовлетворить ярость народа. Тело короля было погребено в великолепной усыпальнице из белого мрамора; длинная эпитафия золотыми буквами на лазурном фоне свидетельствовала о его добродетелях.

«Здесь покоится король и мученик из знатного рода, благородный, ученый и добродетельный; известный своей внешностью и манерами; чье милосердие, набожность и благожелательность превозносились по всему королевству Гранада. Он был великим принцем, прославленным военачальником, острым мечом мусульман, доблестным знаменосцем среди самых могущественных монархов» и т. д.

До сих пор существует мечеть, из которой когда-то доносились предсмертные крики Юсефа, но памятник, запечатлевший его добродетели, давно исчез. Однако его имя по-прежнему вписано в число изящных украшений Альгамбры и будет увековечено в связи с этим знаменитым сооружением, украшать которое было его гордостью и удовольствием.

ТАИНСТВЕННЫЕ ПОКОИ

ОДНАЖДЫ, когда я бродил по мавританским залам, моё внимание впервые привлекла дверь в отдаленной галерее, которая, по-видимому, вела в какую-то часть Альгамбры, которую я ещё не исследовал. Я попытался открыть её, но она была заперта. Я постучал, но никто не ответил, и звук, казалось, эхом разнесся по пустым комнатам.

Значит, здесь была тайна. Здесь было крыло замка, в котором обитали привидения. Как мне добраться до тёмных тайн, скрытых от посторонних глаз? Должен ли я прийти ночью тайком, с лампой и мечом, согласно любопытному обычаю героев романов; или мне следует попытаться выведать секрет у заикающегося садовника Пепе, или у простодушной Долорес, или у словоохотливого Матео? Или мне следует откровенно обратиться к хозяйке замка даме Антонии и расспросить её обо всем этом? Я выбрал последний способ, как самый простой, хотя и наименее романтичный, и, к своему некоторому разочарованию, обнаружил, что в этом деле нет никакой тайны. Мне разрешили осмотреть квартиру, и у меня был ключ. Убедившись в этом, я немедленно вернулся к двери. Как я и предполагал, она вела в несколько пустующих комнат, но они сильно отличались от остальной части дворца. Архитектура, хотя и богатая и старинная, была европейской. Здесь не было ничего мавританского. Первые две комнаты были высокими; потолки, во многих местах с проломами, были сделаны из кедра, обшиты толстыми панелями и украшены искусной резьбой в виде фруктов и цветов, украшенных гротескными масками или лицами. Стены, очевидно, в древности были обтянуты дамасской тканью, но теперь были обнажены и исписаны теми честолюбивыми путешественниками, которые оскверняют благородные памятники своими никчёмными откровениями.

Окна, разобранные и открытые всем ветрам и непогоде, выходили в очаровательный маленький уединённый сад, где среди роз и миртов сверкал алебастровый фонтан, окружённый апельсиновыми и лимонными деревьями, некоторые из которых простирали свои ветви в комнаты. За этими комнатами находились два зала, более длинных, но менее высоких, тоже выходящих окнами в сад. В нишах на обшитом панелями потолке стояли корзины с фруктами и цветочные гирлянды, расписанные искусной рукой и довольно сносно сохранившиеся. Стены также были расписаны фресками в итальянском стиле, но росписи были почти стёрты; окна были в таком же разгромленном состоянии, как и в других комнатах. Эта причудливая анфилада комнат заканчивалась открытой галереей с балюстрадами, идущей под прямым углом вдоль другой стороны сада. Вся квартира, такая изысканная и элегантная по своему убранству, такая изысканная и уединенная по своему расположению в этом уединенном маленьком саду и так сильно отличающаяся по архитектуре от соседних залов, пробудила интерес к своей истории. Наведя справки, я выяснил, что это были апартаменты, отделанные итальянскими художниками в начале прошлого века, в то время, когда Филиппа V и его вторую жену, прекрасную Элизабетту Фарнезе, дочь герцога Пармского, ожидали в Альгамбре. Оно предназначалось королеве и дамам из её свиты. Одной из самых высоких комнат была её спальня. Узкая лестница, ныне замурованная, вела в восхитительный бельведер, первоначально служивший мирадором мавританских султанш, сообщавшийся с гаремом, но переоборудованный в будуар прекрасной Елизаветы и до сих пор носящий название эль токадор де ла Рейна, или Туалет Королевы.

Из одного окна королевской спальни открывался вид на Хенералифе и его тенистые террасы; другое выходило в маленький уединённый сад, о котором я уже упоминал, который был явно мавританским по своему характеру и также имел свою историю. На самом деле это был сад Линдараксы, которая так часто упоминается в описаниях Альгамбры; но кто такая эта Линдаракса, я никогда не слышал, чтобы мне объясняли. Небольшое исследование позволило мне узнать о ней несколько подробностей. Она была мавританской красавицей, которая

процветала при дворе Мухаммеда Левши и была дочерью его верного приверженца, алькайда Малаги, который приютил его в своем городе, когда его свергли с трона. Вернув себе корону, он вознаградил алькайда был за его верность. Его дочь получила апартаменты в Альгамбре и была выдана королём замуж за Назара, молодого цетимерианского принца, потомка Абен Худа Справедливого. Их бракосочетание, несомненно, было отпраздновано в королевском дворце, и их медовый месяц, возможно, прошёл именно в этих беседках.

Прошло четыре столетия с тех пор, как скончалась прекрасная Линдаракса, но как много осталось от хрупкой красоты тех мест, где она жила! Сад, в котором она так радовалась, по-прежнему цвёл; фонтан по-прежнему был хрустальным зеркалом, в котором, возможно, когда-то отражались её прелести; алебастр, правда, утратил свою белизну; пруд под ним, заросший сорняками, превратился в логово ящериц, но что-то в нём было не так, как и в том самом упадке, который усиливает интерес к подобным сценам, напоминая о той изменчивости, о необратимости судьбы человека и бренности всех его творений. Запустение этих покоев, некогда служивших жилищем гордой и элегантной Елизаветы, также произвело на меня более трогательное впечатление, чем если бы я увидел их в их первоизданном великолепии, сверкающем пышностью двора.

Когда я вернулся в свои апартаменты, в губернаторские апартаменты, всё показалось мне скучным и обыденным после того поэтического края, который я покинул. Сама собой напрашивалась мысль: почему бы мне не сменить свои покои на эти свободные комнаты? Это действительно означало бы жить в Альгамбре, в окружении садов и фонтанов, как во времена мавританских монархов. Я предложил это изменение даме Антонии и её семье, и это вызвало огромное удивление. Они не могли представить себе никаких разумных доводов, побудивших меня выбрать такую заброшенную, отдалённую и уединённую квартиру. Долорес возмущалась её ужасающим одиночеством: вокруг не было ничего, кроме летучих мышей и сов, а в подвалах соседних бань содержались лиса и дикая кошка, которые бродили по ночам.

У доброй Тиа нашлись более разумные возражения. Окрестности кишели бродягами; цыгане чудили в пещерах соседних холмов; дворец был разрушен, и во многих местах в него было легко проникнуть; слухи о незнакомце, живущем в одиночестве в одной из отдалённых и разрушенных квартир, где его не могли услышать остальные обитатели, могли привлечь нежелательных ночных посетителей, тем более что считалось, что иностранцы всегда трясут кошелем с деньгами. Однако меня нельзя было сбить с толку, и моя воля была законом для этих добрых людей. Итак, с помощью плотника и чрезмерно услужливого Матео Хименеса двери и окна вскоре были приведены в сносное состояние, а спальня величественной Элизабетты подготовлена к моему приему. Матео любезно вызвался в качестве телохранителя ночевать в моей прихожей, но я решил, что не стоит испытывать его доблесть на прочность. Несмотря на всё моё мужество и принятые меры предосторожности, должен признаться, что первая ночь, проведённая в этих покоях, была невыразимо тоскливой. Я не думаю, что на меня повлияло столько предчувствие внешних опасностей, сколько характер самого места со всеми его странными ассоциациями: совершённые там акты насилия; трагический конец многих из тех, кто когда-то царствовал там во всем великолепии. Когда я проходил под обречёнными залами башни Комарес по пути в свои покои, мне вспомнилась цитата, которая приводила меня в трепет в дни отрочества:

Судьба восседает на этих тёмных зубчатых стенах и хмурится;
И когда портал открывается, чтобы впустить меня,
Угрюмый голос эхом разносится по дворам,
Повествуя о безымянном деянии!

Вся семья проводила меня в мои покои и попрощалась со мной, как с человеком, отправляющимся в опасное путешествие в неизвестность; и когда я услышал, как их удаляющиеся шаги затихли в пустынных вестибюлях и гулких галереях, и повернул ключ в своей двери, мне

вспомнились те истории о волшебниках, где герою только и осталось завершить приключение в заколдованном доме. Даже мысли о прекрасной Елизавете и красавицах её двора, которые когда-то украшали эти покои, теперь, по прихоти воображения, усиливали уныние. Здесь была сцена их мимолётного веселья и очарования; здесь были следы их элегантности и наслаждения; но чем и где они были? Пыль и пепелище! Обитатели могилы! Призраки памяти! Меня охватил смутный и неопиcуемый трепет. Я бы охотно приписал это мыслям о грабителях, разбуженных вечерним разговором, но мне казалось, что это нечто более нереальное и абсурдное. Давно похороненные суеверия детской оживали и обретали власть над моим воображением.

Работа моего разума начала оказывать влияние на всё вокруг. В шелесте ветра среди лимонных деревьев под моим окном было что-то зловещее. Я бросил взгляд на сад Линдараксы; рощи казались бездной теней, а заросли — неясными и пугающими очертаниями. Я был рад закрыть окно, но сама моя комната заразилась опасной тревожностью. Над головой раздался лёгкий шорох; из-за пролома в потолке внезапно вылетела летучая мышь и, порхая по комнате, задела мою единственную лампу; и когда роковая птица чуть не задела мое лицо своим бесшумным крылом, гротескные лица, высеченные горельефом на кедровом потолке, откуда она появилась, казалось, захандрили и стали коситься на меня. Взяв себя в руки и слегка улыбнувшись этой временной слабости, я решил преодолеть её в духе истинного героя «заколдованного дома». Итак, взяв лампу в руку, я отправился на экскурсию по дворцу. Несмотря на все умственные усилия, задача была нелёгкой. Мне пришлось пересекать пустынные залы и таинственные галереи, где лучи лампы распространялись лишь на небольшое расстояние вокруг меня. Я шёл, так сказать, в ореоле света, окруженный непроницаемой тьмой. Сводчатые коридоры были похожи на пещеры; потолки залов терялись во мраке. Я вспомнил всё, что говорилось об опасности, исходящей от незваных гостей в этих отдалённых и разрушенных покоях. Не мог ли какой-нибудь бродячий враг притаиться передо мной или за моей спиной, во внешней тьме? Моя собственная тень, отбрасываемая на стену, начала беспокоить меня. Эхо моих собственных шагов по коридорам заставило меня остановиться и оглянуться. Я проходил мимо мест, навевающих мрачные воспоминания. Один тёмный проход вел вниз, к мечети, где был подло убит Юсеф, мавританский монарх, завершивший строительство Альгамбры.

В другом месте я прошёл по галерее, где другой монарх был сражен кинжалом родственника, которому он помешал в своей любви. Теперь до меня донёсся тихий ропот, похожий на приглушённые голоса и лязг цепей. Казалось, он доносится из дома Абенсеррахесов. Я знал, что это шум воды, бегущей по подземным каналам, но ночью он звучал странно и напомнил мне о мрачных историях, которые он породил. Однако вскоре до моего слуха донеслись звуки, слишком реальные, чтобы быть плодом воображения. Когда я пересекал Зал Послов, низкие стоны и прерывистые восклицания доносились, так сказать, из-под моих ног. Я остановился и прислушался. Затем звуки стали доноситься снаружи башни, затем снова внутри. Затем раздался вой, похожий на звериный, затем сдавленные вопли и нечленораздельный бред. Услышанный в этот мёртвый час и в этом необычном месте, эффект был захватывающим.

У меня не было ни малейшего желания продолжать прогулку; и я вернулся в свою комнату с несравненно большей поспешностью, чем выходил, и вздохнул свободнее, когда снова оказался в её стенах и дверь за мной закрылась на засов. Когда я проснулся утром, солнце светило в моё окно и освещало каждую часть здания своими весёлыми и правдивыми лучами, я с трудом мог вспомнить тени и фантазии, вызванные мраком предыдущей ночи, или поверить, что сцены вокруг меня, такие обнажённые, и, очевидно, могли быть облечены в такие воображаемые ужасы. Тем не менее, мрачные завывания и восклицания, которые я слышал, не были бредом; и моя служанка Долорес вскоре объяснила их: это был бред бедного маньяка, брата её тети, который был подвержен сильным припадкам, во время которых его держали

взаперти в сводчатой комнате под Залом Послов. За несколько вечеров сцена и связанные с ней ассоциации претерпели кардинальные изменения.

Луна, которая, когда я вступил во владение своими новыми апартаментами, была невидима, каждый вечер постепенно разгоняла ночную тьму и наконец в полном великолепии возшла над башнями, и встала посреди моего окна, заливая приглушённым светом каждый двор и залу. Сад под моим окном, до этого погруженный во мрак, был мягко освещён; верхушки апельсиновых и лимонных деревьев отливали серебром; фонтан искрился в лунных лучах, и даже румянец роз был едва заметен. Теперь я почувствовал поэтическую ценность арабской надписи на стенах:

«Как прекрасен этот сад, где земные цветы соперничают со звездами небесными. Что может сравниться с вазой вон того алебастрового фонтана, наполненного кристально чистой водой? Нет ничего, кроме полной Луны, сияющей посреди безоблачного неба!»

В такие райские ночи я часами сидел у своего окна, вдыхая сладость сада и размышляя о судьбах тех, чья история была смутно запечатлена в элегантных памятниках вокруг. Иногда, когда всё затихало и часы на далёком кафедральном соборе Гранады отбивали полночь, я отправлялся на очередную экскурсию и бродил по всему зданию; но как это отличалось от моей первой экскурсии! Больше не было темноты и таинственности; больше не было углов, населённых призрачными врагами; больше не вспоминались сцены насилия и убийств; всё было открыто, просторно, прекрасно; все вызывало приятные и романтические воспоминания; Линдаракса снова гуляла в своём саду; весёлое рыцарство мусульманской Гранады снова блистало во Львином Дворе! Кто может по достоинству оценить лунную ночь в таком климате и в таком месте? Температура летней ночи в Андалусии совершенно неземная. Мы словно переносимся в более чистую атмосферу; мы ощущаем душевную безмятежность, бодрость духа, упругость тела, которые делают само существование счастливым. Но когда ко всему этому добавляется лунный свет, эффект становится просто волшебным. Под его пластичным влиянием Альгамбра, кажется, вновь обретает свое первоизданное величие. Все трещины и расселины, оставленные временем, исчезают; мрамор вновь обретает свою первоначальную белизну; длинные колоннады сияют в лунных лучах; залы освещены мягким сиянием — и мы снова ступаем по заколдованному дворцу из арабской сказки! Какое наслаждение в такое время подняться в маленький воздушный павильон королевского туалета (el tocador de la reina), который, подобно птичьей клетке, нависает над долиной Дарро, и полюбоваться с его светлых арок на залитую лунным светом панораму! Справа возвышаются горы Сьерра-Невада, утратившие свою суровость и превратившиеся в сказочную страну, а их заснеженные вершины сверкают, как серебряные облака, на фоне глубокого синего неба. А потом облокотиться на парапет Токадора и посмотреть вниз на Гранаду и Альбайсин, раскинувшиеся внизу, как карта; все они погружены в глубокий покой; белоснежные дворцы и монастыри, погруженные в лунный свет, а за ними — туманная Вега, исчезающая вдаль, словно Страна Грез.

Иногда с Аламеды доносится слабый стук кастаньет, где весёлые андалузцы танцуют всю летнюю ночь напролёт. Иногда неуверенные звуки гитары и нежного голоса могут подсказать, где находится какой-нибудь влюблённый, исполняющий серенаду под окном своей возлюбленной. Такова смутная картина лунных ночей, которые я проводил, слоняясь по дворам, залам и балконам этого самого наводящего на размышления здания; «питая свою фантазию сладкими предположениями» и наслаждаясь той смесью мечтательности и ощущений, которые в южном климате крадут у меня жизнь; так что было уже почти утро, когда я вернулся домой. Я лёг в постель, и меня убаюкали журчащие воды фонтана Линдараксы.

ПАНОРАМА С БАШНИ КОМАРЕС

РАСЦВЕТАЛО безмятежное и прекрасное утро: Солнце ещё не набрало достаточной силы, чтобы уничтожить ночную свежесть. Что за чудесное утро — подняться на вершину башни Комарес и полюбоваться Гранадой и её окрестностями с высоты птичьего полёта! Тогда, достойный читатель и товарищ, следуйте за мной в этот вестибюль, украшенный богатым орнаментом, который скоро приведёт вас в Зал Послов. Однако мы не будем входить в зал, а свернём к этой маленькой двери, открывающейся в стене. Будьте осторожны! Здесь крутые винтовые ступени и очень скудное освещение; однако по этой узкой, тёмной винтовой лестнице гордые монархи Гранады и их королевы часто поднимались на крепостные стены, чтобы понаблюдать за приближением армий захватчиков или с тревогой в сердце наблюдать за битвами в Веге.

Наконец мы достигаем крыши с террасами и можем на мгновение перевести дух, окидывая взглядом великолепную панораму города и сельской местности; осмотреть вершины скалистых гор, простор зеленой долины и плодородной равнины; замков, соборов, мавританских башен и готических куполов, разрушающихся античных руин и цветущих садов и великошумных рощ. Давайте подойдём к зубчатой стене и посмотрим прямо под нее. Смотрите, с этой стороны перед нами открывается вся равнина Альгамбры, и мы можем заглянуть вниз, во дворы и сады. У подножия башни находится двор Альберки с его большим аквариумом или прудом для разведения рыбы, окаймленный клумбами цветами; а вон там — Двор Львов с его знаменитым фонтаном и светлыми мавританскими аркадами; а в центре башни — маленький сад Линдаракса, утопающий в зелени — сердце здания, с его розами, цитрусами и изумрудно-зелёными кустами. Этот пояс зубчатых стен, усеянных квадратными башнями, протянувшийся вдоль всего склона холма, является внешней границей крепости.

Некоторые из башен, как вы можете заметить, находятся в руинах, а их массивные фрагменты погребены среди виноградных лоз, фиговых деревьев и алоэ. Давайте посмотрим на эту северную сторону башни. Это головокружительная высота; самые основания башни возвышаются над рощами на крутом склоне холма. И посмотрите! длинная трещина в массивных стенах свидетельствует о том, что башня была разрушена в результате нескольких землетрясений, которые время от времени повергали Гранаду в ужас и которые рано или поздно должны были превратить это осыпающееся сооружение в груды развалин. Глубокая узкая долина под нами, которая постепенно расширяется по мере того, как спускается с гор, — это долина Дарро; вы видите, как маленькая речка петляет по тенистым террасам, среди фруктовых садов и цветников. В старину этот ручей славился тем, что приносил золото, и его пески до сих пор время от времени просеивают в поисках драгоценной пыли.

Некоторые из этих белых павильонов, которые то тут, то там поблескивают среди рощ и виноградников, были загородными убежищами мавров, где они наслаждались свежестью своих садов. Один из их поэтов сравнил их со множеством жемчужин, уложенных на ложе из изумрудов. Просторный дворец с высокими белыми башнями и длинными аркадами, возвышающийся на горе среди пышных рощ и висячих садов, — это Хенералифе, летний дворец мавританских королей, куда они приезжали в знойные месяцы, чтобы насладиться еще более свежим воздухом, чем в Альгамбре. Голая вершина холма над ним, на которой вы видите несколько бесформенных руин, — это Силла дель Моро, или мавританская резиденция, названная так потому, что во время восстания она была убежищем несчастного Боабдила, где он сидел и печально взирал вниз на свой мятежный город. Время от времени из долины доносится журчание воды. Этот поток изливается из акведука вон той мавританской мельницы, почти у подножия холма. Аллея деревьев за ней — это Аламеда, протянувшаяся вдоль берега Дарро, любимое место отдыха по вечерам и место встреч влюбленных летними ночами, когда в поздний час со скамеек вдоль ее стен можно услышать звуки гитары.

В настоящее время вы не увидите там никого, кроме нескольких празднующихся монахов и группы водоносов. Последние нагружены кувшинами для воды древней восточной конструкции, какими пользовались мавры. Они были наполнены из холодного и прозрачного источника, называемого фонтаном Авельяноса. Вон та горная тропа ведёт к фонтану, излюбленному месту отдыха как мусульман, так и христиан; говорят, что это Адинамар (Айнуль-Адамар), «Фонтан слез», упомянутый путешественником Ибн Батутой и воспетый в историях и романах мавров. Ты начинаешь! это всего лишь ястреб, которого мы спугнули с его гнезда. Эта старая башня — настоящее гнездовье для бродячих птиц; ласточки и куропатки в изобилии гнездятся в каждой щели и закоулке и кружат вокруг неё целый день напролет; а ночью, когда все остальные птицы уходят на покой, хандрящая сова выходит из своего укрытия и издает свой пронзительный крик, зловещий зов крови с зубчатых стен.

Посмотрите, как стремительный ястреб проносится под нами, скользя над верхушками деревьев, и подлетает к руинам над Хенералифе! Я вижу, как вы поднимаете глаза к заснеженной вершине вон той горной гряды, сияющей, как белое летнее облако в голубом небе. Это Сьерра-Невада, гордость и восхищение Гранады; источник её прохладных бризов и вечной зелени, ее бьющих фонтанов и неиссякаемых потоков. Именно это великолепное нагромождение гор придаёт Гранаде то сочетание прелестей, которое так редко встречается в южных городах: свежая растительность и умеренный воздух северного климата, живительный жар тропического Солнца и безоблачная лазурь южного неба. Это воздушная сокровищница снега, который, тая пропорционально усилению летней жары, разливается ручьями по всем долинам и ущельям Альпуксарраса, распространяя изумрудную зелень и плодородие по всей цепи счастливых и уединённых долин.

Эти горы по праву можно назвать славой Гранады. Они возвышаются над всей Андалусией, и их можно увидеть из самых отдаленных и потаённых её уголков. Погонщик мулов приветствует их, глядя на их покрытые инеем вершины с знойной равнины; а испанский моряк, стоящий на палубе своего барка далеко-далеко на лоне голубого Средиземного моря, задумчиво наблюдает за ними, и думает о восхитительной Гранаде, тихо напевая какой-то старый романс о вересковых пустошах. Взгляните на юг, у подножия этих гор, на череду засушливых холмов, по которым медленно движется длинная вереница мулов. Здесь была сыграна заключительная сцена мусульманского господства. С вершины одного из этих холмов несчастный Боабдил бросил последний взгляд на Гранаду и дал волю душевным мукам. Это место, прославленное в песнях и преданиях, называется «Последний Вздох Мавра». Далее эти засушливые холмы спускаются к роскошной Веге, из которой он только что вышел: цветущая чаща роц и плантаций, изобилующая фруктовыми садами, по которым серебряными нитями вьётся река Ксениль, питая бесчисленные ручьи, которые, протекая по древним мавританским каналам, поддерживают ландшафт в неизменном состоянии зелёного рая.

Здесь были любимые резные беседки, сады и сельские павильоны, за которые несчастные мавры сражались с такой отчаянной отвагой. Те самые лачуги и грубые усадьбы; ныне населённые хамами, остатки арабесок и других изысканных украшений свидетельствуют о том, что во времена мусульман они были элегантными резиденциями всевластных владык. Взгляните, в самом центре этой богатой событиями равнины находится место, которое определённым образом связывает историю Старого Света с историей Нового. Вон та линия стен и башен, сверкающих в лучах утреннего Солнца, — это город Санта-Фе, построенный католическими монархами во время осады Гранады, после того как пожар уничтожил их лагерь. Именно к этим стенам героическая королева призвала Колумба, и в их стенах был заключён мирный договор, который привёл к открытию Западного Мира. Вон за тем мысом на западе находится мост Пинос, известный многими кровавыми сражениями между маврами и христианами. На этом мосту гонец догнал Колумба, когда тот, отчаявшись добиться успеха у испанских монархов, отправлялся со своим проектом открытия Америки ко двору Франции.

Над мостом на западе Вегу ограничивает горная гряда — древний барьер между Гранадой и христианскими землями. На этих возвышенностях вы все еще можете различить города воинов; их серые стены и зубцы кажутся единым целым со скалами, на которых они возведены. То тут, то там на горных вершинах возвышаются одинокие аталайи, или сторожевые башни, которые как бы смотрят с неба на долину по обе стороны от них. Как часто эти аталайи предупреждали о приближении врага ночным огнём или дневным дымом! Именно по изрезанному ущелью этих гор, называемому перевалом Лопе, христианские армии спустились в Вегу. Из-за подножия той серой и голой горы (горы Эльвиры), выступающей своим смелым скалистым мысом в глубь равнины, появлялись эскадроны захватчиков с развевающимися знаменами и грохотом барабанов и труб. Пятьсот лет прошло с тех пор, как Исмаил бен Ферраг, мавританский король Гранады, наблюдал с этой самой башни вторжение инородцев и оскорбительное опустошение Веги; при этом он проявил пример рыцарского великодушия, часто встречающийся у мусульманских князей, «история которых, — говорится в одной из Арабский Хроник, «изобилует великодушными поступками и благородной премудростью, которые сохранятся во все последующие века и будут вечно жить в памяти людей».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.